

НЕ ПИДАЕТСЯ

K-789-e.

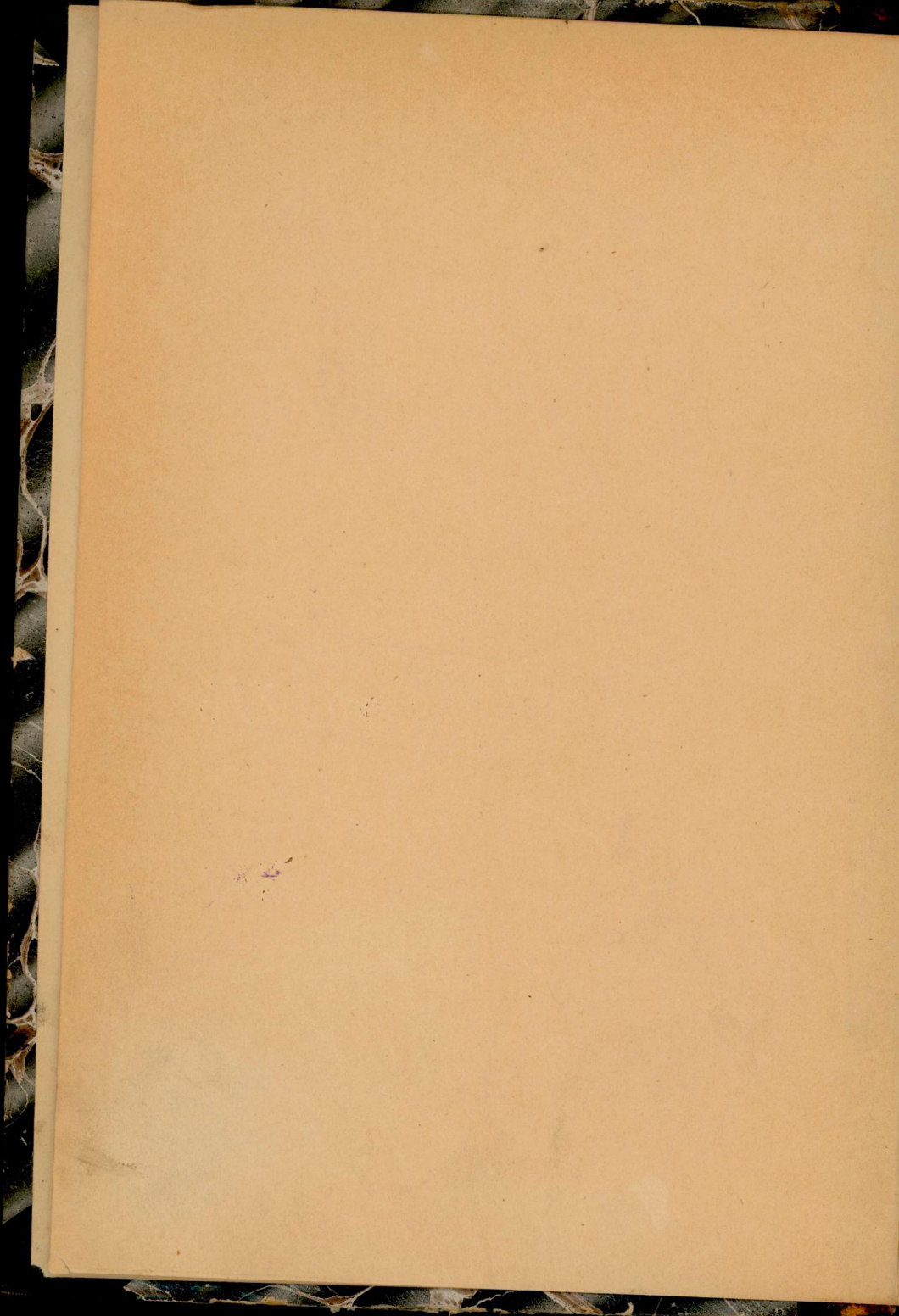
466323

VII.793

6

ЦЕНТРАЛЬНА
== НАУКОВО-УЧБОВА ==
БІБЛІОТЕКА.

K-789-е.

ЕРМОЛА.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ОЧЕРКИ.

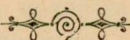
І. КРАШЕВСКАГО.

466323

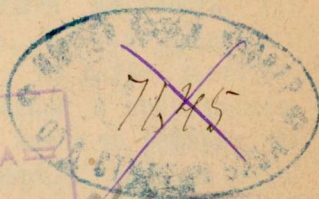
1934

ПРОЧЕНО
21 11 1899

~~VII-793~~

ЦЕНТРАЛЬНА
НАУКОВО-УЧБОВА
БІБЛІОТЕКА.

VHS

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашевъ и Ко, Фонтанка 95.

1899.

8

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 17 Августа 1899 г.

I.

Это было въ одной изъ тѣхъ мѣстностей волинскаго Полѣся, уединенныхъ и забытыхъ, черезъ которыя не пролегала еще доселѣ ни почтовая, ни большая проѣзжая дорога, въ уголкѣ, гдѣ живутъ еще почти средневѣковою жизнью и гдѣ еще господствуютъ средневѣковыя простота, честность, веселость и убожество. Прошу, однако, не подозрѣвать меня, будто этимъ я хотѣлъ выразить, что большими дорогами вмѣстѣ съ цивилизаціей слѣдуютъ и проступки, и испорченность нравовъ; есть, кажется, переходъ между однимъ и другимъ бытомъ, въ которомъ — пока вырабатывается новое, а старое умираетъ, остается какое-то неинтересное ни то, ни се, если можно такъ выразиться. Переходное же время, кое гдѣ наступившее, еще не коснулось нашей мѣстности, гдѣ жили, особенно въ небольшихъ домахъ, слѣдуя правамъ и обычаямъ XVI и XVII столѣтій. Правда, въ болѣе достаточныхъ домахъ, выкрашенныхъ желтой краской и принадлежавшихъ *полупанкамъ* *), начиналась уже какая-то реформа, на которую, однако-же, мелкая шляхта смотрѣла, какъ на чудовищную странность. Да и могло ли быть иначе въ этой труппѣ, куда газеты приходили разъ въ мѣсяцъ, — гдѣ обязанность почты исправляли евреи, уѣзжавшіе на шабашъ въ мѣстечко, а торговое движеніе ограничивалось базарами, гдѣ продавали скоть и лапти (о дровахъ предоставляемъ себѣ сказать ниже). Есть, можетъ быть, скептики, которые не по-

*) Мелкопомѣстные дворяне.

вѣрять возможности существованія подобнаго захоластья; но не подлежить сомнѣнiю, что въ окрестностяхъ Пинска встрѣчаются, или, по крайней мѣрѣ, недавно встрѣчались, дома, гдѣ спрашивали о здоровьѣ короля Станислава-Августа въ совершенномъ невѣдѣнiи о событiяхъ, совершившихся со временъ Костюшки. Никто тамъ не видалъ солдата, никто не зналъ чиновника, а тѣ—кто отвозилъ въ Пинскъ подати, не слишкомъ любопытствовали знать, кому вносятъ деньги, и, заворачивая въ платокъ квитанцію, не заботились прочесть ее, что, впрочемъ, и не легко было выполнить.

Это говорится между прочимъ,—потому что въ мѣстности, о которой идетъ рѣчь, не все уже было до такой степени отстало и просто. Ежегодно доходили туда, въ концѣ декабря, бердичевскіе календари, внося съ собою слабый лучъ цивилизаціи и запасъ необходимѣйшихъ свѣдѣнiй для тамошняго обывателя: время появленія кометы, число, въ которое должна наступить пасха, восходъ и заходъ солнца и способъ истребленія насѣкомыхъ, изобрѣтенный въ Англіи. Почта была оттуда не далѣе ста верстъ, но богатые посылали за нею разъ въ мѣсяцъ—и ужъ не болѣе, какъ въ шесть недѣль: нѣкоторые подобнымъ путемъ даже вели свою переписку.

Надо сказать, однако-же, правду, что большая часть, въ случаѣ надобности,—предпочитала посылать нарочныхъ, хотя бы даже и за нѣсколько сотъ верстъ. Да и не знаю, есть ли гдѣ въ мірѣ посланцы, подобные *полтшукамъ* *): никто не ходитъ такъ быстро, не проберется всюду, не наскучитъ требованіемъ отвѣта и не выкрутится изъ всѣхъ опасностей. Съ перваго взгляда примешь непременно за нищаго или бродягу этого оборванца въ сѣрой свиткѣ, обвѣшаннаго котомками и запасомъ лаптей, а между тѣмъ у него, иной разъ, за околышемъ шапки или за оушей заткнуто дѣло въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Такъ ужъ и Господь Богъ создалъ посланцомъ полтшука: онъ пронюхаетъ дорогу покороче и проберется и попадетъ всюду какъ-то во-время, съ неподражаемою скоростью. Потому-то и въ шляхетскихъ обычаяхъ сохранилось употребленіе посланца — незамѣнимаго никакою по-

*) Жители Полѣся.

чтою. Въ каждой деревенькѣ существуетъ нѣсколько подобныхъ привилегированныхъ пѣшеходовъ, которые отправляются за нѣсколько сотъ верстъ по образу пѣшаго хожденія, и будь у нихъ въ виду нѣсколько золотыхъ барыша, готовы отправиться съ письмомъ хоть въ Калькутту. И до сихъ поръ еще существуетъ преданіе объ одномъ полѣщукѣ, котораго какой-то панъ Огинскій послалъ въ Парижъ къ своему кузену, — и посланецъ принесъ ему отвѣтъ *съ поклономъ* чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Если-бы у посланца и была лошадь, то онъ никогда на ней не поѣдетъ, считая ее скорѣе бесполезною тяжестью, нежели вспомогательною силою.

Но мы уже чрезчуръ разговорились о характеристикѣ полѣсскихъ гонцовъ и позабыли о своемъ разсказѣ. Мѣстность наша, географическаго положенія которой точнѣе обозначать не видимъ надобности, составляла что-то среднее между Волинью и пинскимъ Зарѣчьемъ. Это была значительная часть края, по большей части еще заросшая сосновыми и дубовыми лѣсами, среди которыхъ на расчищенныхъ пространствахъ въ разныхъ мѣстахъ лежали деревеньки со своими закопченными избами. Сплавная Горюнь перерѣзывала боры, придавая имъ высокую цѣну, а потому и доходъ имѣнный главнымъ образомъ зависѣлъ отъ лѣсной торговли. При всеобщей простотѣ тамошнихъ нравовъ и скромномъ бытѣ, — который и не требовалъ болѣе роскошной обстановки, — всѣ почти наживали тамъ состояніе и жирѣли подъ старость. Самая дорогая цѣна мяса была за фунтъ полторы копѣйки, да и за тѣмъ посылать не имѣлось надобности, потому что евреи развозили по дворамъ; баранъ съ кожей стоилъ три злота (45 к.), хлѣба много, въ заработкѣ не было недостатка. Однимъ словомъ, жалкій по наружности и *колтунуватый* *) полѣщукъ не премѣнялъ бы своего быта на быть зажиточнаго волинца. Здѣшній крестьянинъ, не полагаясь на хлѣбопашество, имѣетъ различные способы заработка, которые избавляютъ его отъ страха неурожая, бывающаго бичомъ иныхъ мѣстностей, гдѣ иногда чрезъ семь, а, пожалуй, и чрезъ два

*) Колтунъ — болѣзнь, Plica Polonica.

или три года, случается скудная жатва. Лѣсъ и рѣка, отъ которыхъ владѣльцы не отстраняють его — служатъ ему обильнымъ источникомъ доходовъ и мелкихъ промысловъ. Во-первыхъ, лѣсъ, даже и послѣ вырубки въ немъ лучшихъ деревьевъ на продажу, не приносящій владѣльцу относительно никакого дохода, — чрезвычайно прибыленъ для крестьянина. Помѣщикъ не станетъ дорожить такими вещами, какъ дубовая кора, липовыя лыки, ободья, полозья, обручи, лапти, лоза, щепки, а крестьянинъ до сихъ поръ почти еще вездѣ выдѣлываетъ въ лѣсахъ что хочетъ, даже уничтожая молодыя заросли и портя наилучшія деревья. Хотя небольшія деньги, но все же перепадаетъ ему кое-что за сушеные плоды и грибы, которыхъ большое изобиліе; по берегу рѣки тоже постоянныя занятія: то поступаютъ на плоты, то занимаются рыболовствомъ — и короче сказать, здѣсь нельзя умереть съ голода. Конечно, случается и бѣда (къ кому, однако-же, не заглядываетъ эта гостья), но стоитъ только перебиться какъ-нибудь до весны, а тамъ снова пошелъ себѣ человѣкомъ жить. Бываютъ и тяжкіе, *чорные*, какъ здѣсь ихъ называютъ, дни, когда хлѣбъ пекутъ съ половой и древесною корою, но земля наша не была бы землею, если-бы на ней постоянно было, какъ на небѣ.

Въ домахъ тоже быть патриархальный, въ поддержаніи котораго мало принимаютъ участія торговля и чужіе края, такъ что, при небольшомъ стѣсненіи, можно бы безъ нихъ обойтись совершенно. Въ деревнѣ легко достать и сдѣлать все необходимое, а привозные товары только: сахаръ, кофе, бутылка франконскаго вина, называемаго здѣсь французскимъ, какаа нибудь четверть фунта чаю и немного перцу. Но и то во многихъ случаяхъ сахаръ замѣняютъ медомъ, который ничего не стоитъ, кофе цикоріемъ, чай ромашкой и болѣе здоровымъ липовымъ цвѣтомъ, вино водкой и медомъ, а перецъ хрѣномъ. О говядинѣ мы уже говорили, птица разводится во дворѣ, свѣчи льютъ дома, сукно ткется на старосвѣтскомъ станкѣ, приводящемъ въ умиленіе простотою, полотно готовится также своими средствами, и нѣтъ ремесла, которое не было бы извѣстно въ значительнѣйшихъ селеніяхъ. Кузнецъ, столяръ, плотникъ, бондарь, каменщикъ — все это хотъ

плохое, но есть и готово къ услугамъ. Въ случаѣ какой-нибудь крайней необходимости—за отсутствіемъ нужнаго ремесленника, непременно выберется полѣшукъ, который видѣлъ когда-то, какъ гдѣ-то что-то дѣлалось — и возьмется попробовать; нерѣдко подобнымъ образомъ, испортивъ нѣсколько разъ вещи, выходитъ новый деревенскій ремесленникъ.

Не скажу, чтобы здѣсь сильно процвѣтали искусства и промышленность, но за то вѣдь отъ художника не много и требуется въ Полѣсьѣ. Если, на примѣръ, сапожникъ сошьетъ сапоги, — правда, съ перваго раза покажется, что они сдѣланы не для человѣческой ноги, — то какіе-то круглые, безобразные и твердые, словно скованные изъ желѣза. Но попробуйте надѣть: года два не износите, надѣвая и въ грязь, и въ воду. Ногъ, конечно, не спрашиваютъ, каково имъ будетъ въ этихъ сапогахъ; ноги пусть благодарятъ Бога, что покрываетъ ихъ чужая кожа и искусственная подошва замѣняетъ живую, а что касается мозолей, то ихъ никогда не приписываютъ обуви, а считаютъ естественнымъ послѣдствіемъ трудовъ извѣстнаго возраста.

Такъ и все здѣсь дѣлается: крѣпко, безопасно, толсто, а если некрасиво для глазъ или неудобно для изнѣженныхъ, то тѣмъ хуже для глазъ, которые разбаловались, и для кожи, которая привыкла къ комфорту. Надо прибавить, что каждый ремесленникъ въ этомъ счастливомъ краю, гдѣ ихъ мало по профессіи, а все аматеры и умѣютъ всего по-немногу, считаетъ себя артистомъ, высшимъ существомъ, непонятымъ толпою и имѣющимъ право нести свой непризнанный геній въ корчму съ гордостью, достойной уваженія и вмѣстѣ возбуждающей смѣхъ. Сношенія съ владѣльческимъ дворомъ, усилія проникнуть въ тайны ремесла, пониманіе себя какъ необходимаго члена человѣчества и одной изъ спицъ общественнаго колеса, возбуждаютъ чувство, которое и въ другихъ кругахъ и подъ иными широтами возникаетъ такъ-же, какъ у насъ въ Полѣсьѣ. Не одинъ парижскій художникъ стоитъ наравнѣ съ здѣшнимъ чеботаремъ въ этомъ отношеніи. Въ особенности зналъ я одного сапожника... Но этотъ эпизодъ опять отвлекъ бы насъ отъ нашего разсказа.

Обширные лѣса служатъ здѣсь фономъ и рамкой каждому

ландшафту. Среди нихъ встрѣчаются небольшія поляны, блестятъ пруды и рѣчонки, гниютъ вѣчныя болота, зеленѣютъ сѣнокосы, заросшіе на-половину лознякомъ, сѣрѣютъ и чернѣютъ закопченныя постояннымъ дымомъ хаты. Серебряная Горынь, подобно блестящему поясу, величественно прорѣзывается посреди дремлющей мѣстности, оживляемой и обогащаемой ею. По берегамъ Горыни лежатъ почти всѣ здѣшнія небольшія мѣстечки. Конечно, въ другомъ мѣстѣ послѣднее названіе не дается зря, но въ Полѣсьѣ, гдѣ только есть церковь и костелъ, базаръ, а преимущественно живетъ болѣе чѣмъ одинъ еврей, тамъ уже непременно существуетъ мѣстечко.

Количество сыновъ Израиля обуславливаетъ важность мѣстечка,—и чѣмъ больше въ немъ евреевъ, тѣмъ слыветъ оно богаче. Въ каждой такой маленькой столицѣ есть свой господствующій владыка Борухъ, Зельманъ или Маіорка, который, всѣмъ торгуя, доставляетъ все, что угодно, отъ кожуха до часовъ: покупаетъ и полосу, держитъ постоянный дворъ, ромъ, табакъ и сахаръ и знаетъ наперечетъ всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ, имѣя бумажниковъ, наполненный ихъ письмами и квитанціями. Лавки въ базарѣ приспособляются къ нуждамъ крестьянина, и въ нихъ продаются, начиная отъ горшка, пояса, шапки до желѣза, соли, дегтя и т. п. Есть двѣ—три красныя лавочки, столько же бакалейныхъ—и дѣло съ концомъ. Евреи составляютъ какъ-бы душу мѣстечка, жители котораго занимаются, однако же, и хлѣбопашествомъ, потому что у насъ мало такихъ мѣстечекъ, въ кругъ занятій которыхъ не входило бы земледѣліе по славянскому обычаю. Нѣсколько убогихъ шляхтичей, какой-то бѣднякъ-чиновникъ, ксѣндзь-пробощъ *), владѣльческіе официаллисты **) — вотъ и все населеніе. Въ теченіе недѣли пусто, по улицамъ играютъ еврейскія дѣти, по базару свободно расхаживаютъ куры, козы и коровы; зато въ воскресенье — столько дрогъ, фуръ и такой шумный, живой торгъ разными продуктами, что невозможно пройти, а однажды въ годъ образуется цѣлая ярмарка. Тогда появляются три или четыре повозки пріѣзжихъ торговцевъ, на

*) Старшій священникъ, благочинный.

**) Служащіе, занимающіеся въ конторѣ у владѣльца.

площади выставляются сапоги, еврей-шапочникъ, гдѣ-нибудь у стѣны, на высокихъ жердяхъ развѣшивають свои заманчивыя издѣлія, бродягъ и цыганъ-коновалъ, и шарманщикъ, — и сборище увеличивается постепенно. Пріѣзжаютъ всѣ окрестныя помѣщики съ женами, всѣ экононы, писаря, чиншова *) шляхта и крестьяне съ кожами, шерстью, сукномъ, полотномъ и т. п. Пріятно видѣть и слышать этотъ шумъ, гамъ, бойкій торгъ и всеобщее оживленіе. Поминутно продавцы и покупщики, ударивъ по рукамъ, идутъ въ корчму запивать магарычи, а здѣсь бабы съ лукомъ, чеснокомъ, табакомъ, красными поясами и запонками непрерывно находятъ покупателей. На другой день послѣ ярмарки и даже до перваго проливного дождя можно еще судить, что совершалось на базарной площади.

Послѣ такого бурнаго дня всеобщаго движенія вся окрестность почти цѣлый годъ пребываетъ въ печальной тишинѣ, составляющей здѣсь основаніе обыденнаго быта. Человѣкъ часто невольно долженъ согласоваться съ окружающимъ: никогда мы не можемъ совершенно освободиться отъ того вліянія, какому подчиняется червь — зеленый на зеленомъ листкѣ и красный въ красномъ яблокѣ. Въ дремлющихъ сторонахъ — какъ Полѣсье, гдѣ склоняють ко сну и шумъ вѣковыхъ деревьевъ, и мертвенное болото, гдѣ влажный, насыщенный смолянымъ дымомъ, воздухъ вѣетъ тишиною, — житель постепенно чувствуетъ, какъ тише въ немъ обращается кровь, медленнѣе дѣйствуютъ мысли: ему такъ и хочется отдыха, онъ боится всякаго усилія, и, подобно грибу, приростаетъ къ почвѣ. Крестьяне около сорока лѣтъ отпускають бороды, а помѣщики около того-же возраста облакаются въ халатъ, покидаютъ фракъ, и если женаты — не выѣзжаютъ никогда изъ дому, а холостые начинаютъ догадываться, что супружество на ведетъ ни къ чему, исключая безполезныхъ расходовъ.

Несмотря на всеобщія пріятельскія отношенія, посѣщаютъ здѣсь другъ друга рѣдко: лѣтомъ жарко, зимой холодно, осенью грязь, а весной множество комаровъ. Лѣдность побуждается только во время именинъ любезнаго сосѣда или въ

*) Шляхта. платящая особаго рода чиншъ.

случаѣ крайней необходимости. Вслѣдствіе того, что невозможно прожить безъ посторонней помощи,—помощь эта всегда готова къ услугамъ въ лицѣ еврея-арендаря *). Является онъ обыкновенно по зову или въ урочное время, становится у порога и начинаетъ отдавать отчетъ о наблюденіяхъ своихъ въ теченіе недѣли по окрестностямъ, или о томъ, что услышалъ отъ пріѣзжавшихъ на мельницу или къ кузнецу — сосѣднихъ обывателей. Конечно, новости эти ограничиваются свѣдѣніями: кто сколько высѣялъ, сжалъ, гдѣ завязъ, что и почему продалъ, кто куда ѣздилъ и т. п., но и эти свѣдѣнія на нѣкоторое время оказываютъ вліяніе на хозяйство, а иногда даже заставляютъ выѣхать изъ дому для повѣрки сообщенныхъ извѣстій.

Естественно, нельзя здѣсь искать никакихъ нововведеній, ни даже стремленія къ нимъ, а скорѣе недовѣріе къ нимъ и отвращеніе. Все здѣсь дѣлается по старому; зато, если хотите знать истинное преданіе, или видѣть слѣды прошлой жизни, давно исчезнувшей въ другихъ мѣстахъ, только здѣсь можете удовлетворить свое любопытство. Панъ раздѣляетъ съ крестьянами глубокое уваженіе къ преданіямъ, — и даже если онъ помазался немного философіей и, повидимому, смѣется надъ предрасудками, то въ уголкѣ гдѣ-нибудь поклоняется имъ, потому что еще въ дѣтствѣ всосалъ онъ ихъ съ материнскимъ молокомъ, вдохнулъ съ воздухомъ.

Положимъ, лѣтъ уже пятьсотъ нѣтъ замка, а все мѣсто, гдѣ стоитъ панскій домъ, называется *подзамчемъ*, и если крестьянинъ везетъ туда дрова, то говоритъ: въ замокъ. Гдѣ нѣкогда въ древности стояла церковь, мѣсто это именуется *монастырищемъ*. На распутьи гдѣ-нибудь давно уже сравнялась съ землею могила, крестъ свалился и сгнилъ, а крестьянинъ не пройдетъ мимо, чтобы не бросить на нее вѣтки или камешка по языческому обычаю. Здѣсь сохранилось все прошлое: и повѣсть объ основаніи деревни, опуханной парой черныхъ воловъ въ предохраненіе отъ чумы и падежа, и преданіе о какомъ-то князѣ, утопившемся въ пруду, и татар-

*) Не надо смѣшивать со словомъ арендаторъ. Арендаръ — лицо, держащее въ арендѣ шикокъ.

скіе набѣги, и сказка о двухъ братьяхъ, которые, влюбясь въ одну дѣвицу, убили другъ друга, а она съ горя повѣсилась на ихъ могилѣ.

Пѣсня существуетъ тысячу лѣтъ и съ-поконъ вѣку одни и тѣ-же нравы у обывателей, которые вѣрны преданію, какъ обязанности, принятой относительно отцовъ и дѣдовъ.

II.

Перенесемъ теперь въ описанную мѣстность — на берегъ Горыни.

Несмотря на всю любовь къ родинѣ, надо признаться, что есть годы, въ которые трудно у насъ видѣть весну свѣжую, зеленую, веселую, однимъ словомъ, весну поэтическую: представляется она чистѣйшей басней или греческимъ мѣромъ, занятымъ для бесполезнаго соблазна. Начинается она бурями, и дождями пополамъ со снѣгомъ, грязью, пополамъ съ морозомъ, — тощей зеленью, опушенной инеемъ, холодомъ, который гораздо хуже зимняго мороза, и какимъ-то острымъ воздухомъ; потомъ вдругъ, какъ въ Сибири, являются несносныя жары, и зима, подавая руку лѣту, рѣшительно не дозволяетъ веснѣ опуститься на землю. Не знаю также, куда дѣвается въ это время разхваленная и воспѣтая въ стихахъ весна, которую такъ аккуратно предвѣщаетъ бердичевскій календарь на 9 марта. Вѣроятно, она странствуетъ по другимъ краямъ, если правда, какъ говоритъ Кѣмтцъ и иные метеорологи, что непременно извѣстная сумма тепла и холода должна въ годъ издержаться безъ недомки здѣсь или въ какой-либо мѣстности, или утѣшаетъ болѣе холодныя широты, или подбавляетъ тепла тамъ, гдѣ его и безъ того значительное количество. Какъ бы то ни было, но у насъ ея милость часто не исполняетъ свой обязанности, — не мѣшало бы ей вспомнить, что, наконецъ, она можетъ потерять мѣсто, какъ чиновникъ, пренебрегающій службою, или какъ помѣщикъ, нѣсколько разъ неѣздившій на выборы и потерявшій право выборовъ.

Бываютъ, однако-же, у насъ и счастливые годы, когда весна соберется придти въ-время если не по приказанію бердичевского календаря, то въ силу крестьянскаго предсказанія, и свято исполняетъ свою обязанность. Въ томъ году, о которомъ идетъ рѣчь (хронологія была бы бесполезна, — а дѣло было давно), шалунья, должно быть, одумалась и, давъ землѣ выдержать съ морозами и снѣгомъ до второй половины марта, неожиданно принесла съ юга теплый вѣтеръ, живительный дождикъ, омыла почернѣлую скорлупу, глубоко проникла въ отвердѣвшую землю и блеснула яркимъ солнышкомъ, такъ что въ одно мгновеніе произошла волшебная перемѣна декорацій.

Казалось, все ожидало только сигнала, чтобы начать свою роль: исхудалые аисты давно уже прохаживались по берегамъ ручьевъ, напрасно измѣряя глубину ихъ длинными носами и вытаскивая лишь мелкіе кусочки льду: жаворонокъ зибѣ, но пѣлъ, бѣдняжка, поглядывая на солнце; почки на нѣкоторыхъ деревьяхъ уже наполнились, надулись и ожидали только теплыхъ лучей, чтобы развернуться, травы тоже приходили въ нетерпѣніе подъ холодною корою. Едва только повѣялъ теплый вѣтерокъ, брызнулъ дождикъ и появилась весна, все ожило какъ по мановенію волшебника. Одинъ день произвелъ большія перемѣны: аистъ взлетѣлъ и зацолкалъ на высохшемъ гнѣздѣ, жаворонокъ смѣлѣй взвился вверхъ, волчье-лыко украсилось розовыми цвѣтами, дрѣшина развила свои пурпуровыя сережки, трава выпрыгнула изъ земли, пораскрылись анемоны, глотая съ жадностью первую каплю росы и первый лучъ солнца; высохли глубокія лужи, всюду повеселѣло, и, помолодѣвъ, природа казалась совершенно другою.

Вездѣ хороша подобная весна, являющаяся въ-время, но врядъ-ли можетъ она быть прекраснѣе, какъ на берегахъ большой рѣки, гдѣ пробуждаетъ жизнь и могучее движеніе. Въ особенности надъ Горыню, разлившуюся широко, затопившей луга и часть полей, было весело и хорошо въ прибрежныхъ лѣсахъ. Конечно, еще не позеленѣлъ горный боръ, но замѣчалась уже въ немъ пробуждавшаяся жизнь: воздухъ былъ полонъ запахомъ влажной земли, древесныхъ почекъ, травы, воды, милымъ и уютнымъ запахомъ, имѣющимъ

волшебную способность напоминать дѣтскіе годы; торжественно шумѣли воды, разломавъ не только ледъ, но и плотины, неся что гдѣ захватили; лѣсъ хотъ шумѣлъ еще сухими вѣтвями, но шумѣлъ уже иначе, другимъ тономъ, нежели зимою.

По берегу шевелились люди послѣ зимняго отдыха, принимаясь за трудъ и промыселъ: кто плелъ веревки, кто собиралъ разбросанныя бревна, кто связывалъ плотъ, а свѣже-построенная *казенка* наполнялась всѣмъ необходимымъ, чтобы вотъ принять въ себя начальника флотиліи; такъ называемая казенка—небольшой домикъ изъ прутьевъ, построенный на плоту, въ которомъ, во время плаванія, помѣщаются хозяинъ, касса, полиція, кладовая, водка и пекарня, снабжающая судорабочихъ хлѣбомъ. Не знаю, въ какомъ видѣ казенка доходитъ въ Данцигъ—можетъ быть, закоптѣлая и неопрятная, но въ день отплытія съ мѣста она кажется игрушкой: такъ бы и хотѣлось въ ней поплавать. Къ несчастью, обычнымъ ея жильцомъ бываетъ толстый, пыхтящій, пропитанный чеснокомъ и нафаршированный лукомъ, еврей—купеческій прикащикъ.

Именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились подъ Горынью, недалеко отъ берега желтѣла небольшая, но очень красивая, казенка; вокругъ нея на большое пространство лежали плоты такъ густо, что по нимъ можно было безпрепятственно дойти не только до казенки, но и нѣсколько сажень дальше. Все было готово, ожидали только рабочихъ, покупали для нихъ запасы и откладывали походъ со дня на день; притомъ же еще не показывалась ни одна партія плотовъ, которая упредила бы острогскую.

Хотя окрестность была еще обнажена, однако не лишена нѣкоторой прелести въ грустномъ тонѣ. По ту сторону широкаго разлива, нѣсколько въ сторонѣ отъ темнаго луга, раскинулось большое полѣское село съ сѣрыми хатами и множествомъ деревьевъ, умѣрявшихъ воздухъ во время лѣтняго зноя съ древней церковью, окруженной крыльцами и оригинальной колокольной, съ кладбищемъ въ бору, среди котораго мѣстами бѣлѣли березы. За рѣкой вправо и влево, куда только достигали взоры, тянулся сплошною стѣною лѣсъ, а на водной площади затопленные лозы указывали, до какихъ поръ долженъ

былъ понизиться разливъ. Большое село это было длинно и старо, что доказывалось господствовавшими надъ нимъ огромными деревьями.

Для дополненія цѣлаго, ища взоромъ господскаго дома, вы предполагали бы увидѣть его на холмѣ надъ Горынью, но, подойдя ближе, въ саду между срубленными деревьями и молодыми зарослями, увидѣли бы только развалины деревяннаго строенія и какую-то грустную пустыню. Домъ былъ полуразрушенъ, одна труба торчала уже обнаженная, а возлѣ дымилась еще другая, изъ жилого, но ободраннаго, флигеля. Повидимому, здѣсь давно уже не было помѣщика, даже крестъ, стоявшій у воротъ, свалился и гнилъ на землѣ, а обломанный плетень пропускалъ пѣшихъ и конныхъ, въ то время, когда вросшія въ песокъ ворота, словно въ насмѣшку, стояли закрытыми на замокъ, хоть въ нихъ не существовало ни одной перекладины.

Вмѣсто нѣкогда широкой, а теперь заросшей травой дороги, между господскимъ дворомъ и деревней, скотъ повытопталъ тропинки, по которымъ онъ ходилъ на пастбище.

Такое-же запустѣніе замѣчалось и на строеніяхъ села, содержаніе которыхъ зависѣло отъ помѣщика, но, несмотря на это, трудъ и промышленность вносили сюда нѣсколько достатка и жизни.

Въ то время, когда начинается наша повѣсть, на плотахъ, приготовленныхъ къ отплытію, было уже мало народа; постепенно вечерѣло и отъ воды повѣяло холодной свѣжестью. На бревнѣ, съ деревянной трубкой въ зубахъ, сидѣлъ сгорбленный старикъ, а возлѣ него прохаживался молодой парень, одѣтый не то шляхтичемъ, не то крестьяниномъ, не то лакеемъ. Трудно было опредѣлить возрастъ старика, потому что есть фizioноміи, которыя, достигнувъ извѣстныхъ лѣтъ, старѣютъ сразу и измѣняются такъ быстро, что на нихъ не оставляютъ уже слѣда позднѣйшіе годы. Трудно было сказать — сколько лѣтъ могъ имѣть сгорбленный старичекъ — пятьдесятъ или семьдесятъ. Весьма малаго роста, нѣсколько горбатый, съ сѣдой лысой головой и недавно запущенною бородою и усами, весь сморщенный, какъ моченое яблоко, онъ казался еще бодрымъ и свѣжимъ; въ лицѣ еще замѣтно было нѣсколько крови, въ глазахъ

блеска, а нѣкогда правильныя черты еще не совершенно исчезли подѣ морщинистой кожей. Спокойное и кротко-печальное выраженіе лица носило необыкновенный отпечатокъ свободы духа—рѣдко встрѣчаемый у бѣднѣйшихъ классовъ; казалось, старикъ окончилъ уже расчетъ съ міромъ—и терпѣливо ожидалъ за это обѣщанной награды. По одеждѣ нужно было его причислить къ какому-нибудь опредѣленному сословію: его нельзя было принять за простаго крестьянина, хотя одежда его и мало разнилась отъ крестьянской. Свитка его была нѣсколько короче полѣсскихъ, кожаный поясъ съ пряжкой, штаны довольно тонкаго сукна, на шеѣ старенькій платокъ, а на головѣ шапка съ изношеннымъ и потертымъ верхомъ. Несмотря, однако-же, на эту убогую изношенную одежду, во всемъ проглядывала какая-то заботливая опрятность: и рубашка, выглядывавшая изъ-подъ платка, была безукоризненна и свитка чистая и лапти завязаны холщевыми тесемками.

Парень, судорабочій, не то дворовый, не то деревенскій, съ длинными темными волосами, падавшими на обнаженную шею, съ небольшими подвижными черными глазами, чертами лица походилъ на полѣсскій людъ, отъ котораго и происходилъ по-видимому. Лицо его было кругло, ротъ большой, носъ нѣсколько вздернутый и красивый, лобъ широкъ, и вообще вся фizioномія выражала довольно остроумія, была озарена молодостью и свойственными ей весельемъ и беззаботностью.

— Насъ въ хатѣ трое,—сказалъ онъ старику,—и панъ позволилъ мнѣ наняться въ судорабочіе. Признаюсь вамъ, эта походная жизнь мнѣ нравится больше, чѣмъ барщина; надоѣло жить въ хатѣ за печью.

Старикъ пожалъ плечами.

— Вижу, что ты меня не слушаешь,—сказалъ онъ,—тебѣ захотѣлось поплавать, а молодой что вобьетъ себѣ въ голову, въ томъ никто не разувѣритъ его, развѣ одна бѣда... Но Богъ съ тобой, а я все-таки скажу свое...

Парень засмѣялся.

— Позвольте, я расскажу прежде свое, а потомъ уже развѣшу уши для вашей рѣчи. Во-первыхъ, молодому не мѣшаетъ увидѣть свѣтъ; вѣдь не только его, что въ окошкѣ? во-вторыхъ, все же мнѣ здѣсь свободнѣе съ евреемъ, кото-

рый побаивается немного, хоть и ничего не смыслить, нежели тамъ—съ паномъ и экономомъ; а наконецъ, зашибешь и копѣйку на подати.

— Все это правда, можетъ быть, и еще нашлось бы что нибудь, а старые глаза смотрятъ иначе. Видишь ли, человѣкъ въ этихъ путинахъ отвыкаетъ и отъ избы, и отъ постоянной работы, понравится кочующая жизнь, а ничего нѣтъ хуже, какъ опротивѣетъ родимое гнѣздо. Возвратясь домой, все уже не по вкусу: и хлѣбъ горекъ, и обѣдъ не солонъ, и люди скучны, и тяжела барщина. Начинаютъ, обыкновенно, заглядывать для утѣшенія въ корчму къ еврею, потомъ привыкають къ водкѣ, а тамъ и пропасть человѣкъ ни за собаку. Если бы у меня былъ сынъ, я никогда не отдалъ бы его въ жидовскія руки. Кому Богъ предназначилъ сидѣть въ хатѣ, тотъ пускай далеко не отходитъ отъ порога.

Слушая старика, парень задумался.

— Развѣ,—сказалъ онъ чрезъ нѣсколько времени,—человѣкъ такъ вотъ сейчасъ и забудетъ, гдѣ выросъ и для чего родился! О, нѣтъ, нѣтъ, дядя... И что-же дурного посмотрѣть на свѣтъ, чтобы послѣ было что рассказать дѣтямъ подъ старость. Скорѣе соскучишься о своихъ, чѣмъ ихъ позабудешь, а послѣ домашній хлѣбъ покажется вкуснѣе.

— Все это отчасти правда, и плаванье на плотахъ и судахъ пригодилося бы на что-нибудь, если-бы только было все по Божьему,—отвѣчалъ старикъ.— А какъ тамъ легко разбаловаться, сколько соблазна! На водѣ ежедневно выпадаетъ какой-нибудь случай познакомиться съ чаркой: жидъ—собачья шкура, на каждой мели, на каждомъ шмарѣ заливаетъ водкой, а тутъ-то и берутъ людей черти!.. Ему что до судорабочихъ, лишь-бы его плоты дошли въ нѣметчину, да посыпались талеры... Я, какъ видишь, доживаю вѣкъ, а не захотѣлось даже ни разу взглянуть, что дальше дѣлается на свѣтѣ; я рѣдко выѣзжалъ изъ деревни—и ничего не прошу у Господа Бога, кромѣ того только, чтобы сподобилъ здѣсь сложить свои кости.

— Чего просить, когда вамъ и такъ хорошо!

— Хорошо? Гмъ? Конечно, теперь должно быть хорошо, потому что я отжилъ свое, и мнѣ нужны только ложка борщу

и теплый уголь; какъ-то легче перетерпѣть въ родномъ пепелищѣ.

— А вы здѣшніе?—спросилъ судорабочій.

— Здѣсь родился, короталъ вѣкъ и лягу въ могилу,—отвѣчалъ старичокъ нѣсколько грустно.—Грибу нечего думать о танцахъ.

— А любопытна должна быть исторія?

— Чья?

— Да ваша.

— Моя? Развѣ же это исторія? Бѣда родилась, бѣда и пропала.

— Вечеромъ рѣшительно нечего дѣлать, въ корчму идти боюсь; если-бы вы, дядя, рассказали про свое житье-бытье. Одному сидѣть на плоту скучно, да и время прошло бы, и я отъ васъ чему-нибудь научился бы.

Старикъ добродушно засмѣялся,

— А что-же я расскажу тебѣ? Судьба моя не любопытна: такихъ много на свѣтѣ. Подъ старость остался я одинъ-одинешенекъ, и нѣтъ на свѣтѣ живой души, которая назвалась бы роднею. Но вѣдь старикамъ только и надо, чтобъ ихъ слушали; зацѣпи только нашего брата—и самъ не радъ будешь.

— О, говорите только, я люблю слушать.

— Сколько себя помню,—началъ старикъ,—то здѣсь на берегу Горыни бѣгалъ я по цѣлымъ днямъ съ мальчиками; правда, въ изорванной рубашкѣ и безъ шапки, но то было счастливое время.

— А родители?

— Я ихъ не помню: мнѣ было лѣтъ шесть, когда они умерли отъ какой-то горячки, а такъ какъ они были выходцы изъ Волыни, то у меня не оказалось въ деревнѣ никакого родственника. Словно сквозь сонъ представляется, что послѣ похоронъ прикащикъ отвелъ меня съ кладбища въ сосѣднюю избу, гдѣ старуха накормила меня, два дня питавшагося лишь сухимъ хлѣбомъ. На другой день заставили меня пасти гусей потомъ перешелъ я къ свиньямъ, а потомъ какъ замѣтили что я уже понимаю дѣло, поручили общественное стадо. О, ничего не было пріятнѣй этой пастушьей жизни! Правда, мы выгоняли коровъ до разсвѣта, но зато, какъ сладко спалось

гдѣ-нибудь подѣ кустомъ, когда, бывало, набѣгаешься на лугу или по лѣсу. Съ рогатымъ скотомъ не много заботы: эти животныя понятливыя, какъ только привыкнуть къ выгону, ихъ и палкой не стонишь съ мѣста; если заберутся не туда, куда слѣдуетъ, разъ-два слѣдуетъ отогнать, они сами не пойдутъ больше. Пастуху только надо посматривать, издалека покрикивать и заниматься чѣмъ ему угодно.

— Э, что это за удовольствіе, — прервалъ парень, — когда не съ кѣмъ перемолвить слова...

— Насъ вѣдь собиралось нѣсколько мальчишекъ. А какъ разложимъ, бывало, огонь гдѣ-нибудь въ лугахъ или въ лѣсу, да нанесемъ картофеля, грибовъ или поджаримъ сала, то-то роскошь! А какъ начнемъ, бывало, пѣть, — просто сердце радовалось, когда пѣсня наша далеко разносилась по лѣсу. Да что и толковать! Когда однажды нашъ панъ, прежній помѣщикъ, царство ему небесное, встрѣтилъ меня въ лѣсу, идучи на охоту, заговорилъ со мною, и видно я полюбился ему, то тотчасъ-же велѣлъ взять меня во дворъ казачкомъ *), и видѣть Богъ, какъ мнѣ не хотѣлось покидать пастушью жизнь свою...

— А, такъ вы служили во дворѣ?

— Всю жизнь, сынъ мой, всю жизнь...

— А что выслужили себѣ на старость? Суму?

— Погоди, все узнаешь. Я не жалуюсь, хоть мнѣ, можетъ быть, и не такъ посчастливилось, какъ другимъ; но что же изъ того, если-бы я былъ теперь и богаче? Не вѣлъ бы я съ большимъ вкусомъ, не спалъ бы спокойно. Прежде выслушай, а потомъ увидишь, до чего я дослужился. На другой день привели меня во дворъ насильно, обмыли, обстригли, одѣли... Хоть слезы навертывались на глаза, а надо было исполнять что приказывали. На третій или четвертый день я уже втянулся, потому что тяжелой работы не было; меня прежде приучали въ буфетѣ, пока допустили въ комнаты. Панъ нашъ былъ еще не старый человекъ, красивый мужчина, а что главное — добраго сердца. Съ перваго уже раза

*) Прислуга у польскихъ пановъ одѣвалась по-казачьи, да и теперь еще не вывелось это обыкновеніе.

ты чувствовалъ, что будешь любить и уважать его, потому что по наружности и изъ обращенія видно было, что онъ панъ на всю губу *), а хоть бы одѣлся онъ въ сермягу, ты и ночью узналъ бы, что Господь Богъ создалъ его властвовать. Но власть его никому не была тяжелой; разгнѣвавшись даже, онъ ни съ кѣмъ не говорилъ сурово, молчалъ только, а молчаніе это было самымъ тяжелымъ наказаніемъ для служителей. Какъвъ попъ, такъвъ и приходъ: и старый казакъ, которому меня поручили, и прочая челядь были добрые люди, я скоро съ ними освоился. Конечно, мной помыкали, но я даже и не помню, чтобы кто-нибудь ударилъ меня или выбранилъ. Казакъ-бывало, говоритъ: это сиротка, не слѣдуетъ обижать бѣдняжку... И вотъ позабылась пастушеская жизнь... и когда, бывало, чрезъ нѣсколько недѣль потомъ встрѣчаю стараго пастуха Грынду и прежнихъ товарищей, то улыбнусь имъ только издали, показывая на свои шаровары съ красной выпушкой, но въ лѣсъ уже мнѣ не хотѣлось. Служба была не тяжела: панъ велѣлъ мнѣ быть только въ комнатахъ, и меня къ тому причали. Возлѣ него не много заботы: по большей части онъ самъ себя прислуживалъ, рѣдко когда, бывало, потребуетъ и всегда обращается отечески. Со старымъ казакомъ жили они словно братья, только казакъ иногда ворчалъ на него.

— Должно быть, выдался добрый панъ какой-то.

— О, на свѣтѣ ужъ нѣтъ больше такихъ людей,—сказалъ старикъ, вытирая слезы,—это былъ для меня отецъ и братъ. Жилъ онъ тамъ, гдѣ, видишь, торчитъ обнаженная труба стараго дома, но тогда все было иначе. У него былъ такой порядокъ въ каждомъ уголкѣ, что на широкомъ дворѣ не увидѣлъ бы и соломенки. А теперь—хлѣвы да развалины. Изъ дому выѣзжалъ онъ рѣдко; къ нему тоже пріѣзжали не часто, но, если случалось, что пріѣзжалъ гость, то его принимали радушно. Мы постоянно заняты были работой, да и панъ не любилъ сидѣть, сложа руки: занимался хозяйствомъ, любилъ охоту, лошадей, иногда ловилъ рыбу, возился около пчельника, работалъ въ садикѣ, и время летѣло такъ быстро, что не успѣешь, бывало, оглянуться, а смотришь уже и но-

*) Т. е. панъ въ полномъ смыслѣ слова.

вый годъ на дворѣ. Панъ былъ холостъ и одинокъ, какъ палецъ. Говорили, что онъ пріѣхалъ откуда-то издалека и купилъ это имѣніе, но весь народъ такъ привыкъ къ нему, словно онъ былъ наслѣдственный владѣлецъ, и вся деревня любила его какъ родного отца.

Да и не трудно было привязаться къ нему, потому что онъ былъ добрѣ и жалостливѣ, охотно помогалъ бѣдному, и никто не уходилъ отъ него безъ помощи. Въ полгода я совершенно привыкъ къ нему и заступилъ мѣсто стараго казака, который нерѣдко жаловался уже на нездоровье. Старику хотѣлось и поотдохнуть, притомъ же получилъ онъ отъ пана хату съ усадьбой и вотъ, подучивъ меня, онъ перебрался къ себѣ на новоселье.

Но что значить привычка! Чрезъ три недѣли онъ началъ заглядывать во дворъ, а потомъ, бывало, подопретъ коломъ хату и съ утра до вечера сидитъ съ нами на крыльцѣ, покуривая трубочку. Меня и самого не выгнали бы уже изъ двора дубиной, потому что панъ выдался такой, какихъ нѣтъ уже на свѣтѣ. Довольно тебѣ сказать, хоть это и глупость, до чего доходило въ немъ добродушіе: онъ не съѣстъ, бывало, вкуснаго плода или хорошаго кушанья, чтобы не оставить намъ отвѣдать. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда мы познакомились ближе, онъ сдѣлался мнѣ отцомъ, и я, подобно каждому изъ насъ, готовъ былъ пожертвовать за него жизнью. Я былъ къ нему ближе всѣхъ дворовыхъ: мы ходили съ нимъ вмѣстѣ на охоту—любимое его занятіе, ѣздили ловить рыбу и копались въ садикѣ. Какъ теперь помню, встанемъ, бывало, до зари, а старый Бекасъ, пудель, догадавшись въ чемъ дѣло, начинаетъ визжать и подпрыгивать; и вотъ торбы на плечи и отправимся въ кусты или въ болото, да цѣлый день и проходимъ, подкрѣпившись рюмкой водки и кускомъ сыра съ хлѣбомъ. Я удивлялся сначала, зачѣмъ такой хорошій человекъ не любитъ водить знакомство съ людьми, но, узнавъ его ближе, замѣтилъ, что хотя онъ и крѣпился и порой казался веселымъ, однако въ жизни его, должно быть, случилось нѣчто, о чемъ онъ никому не говорилъ, но что отравляло его спокойствіе. Бывало, и веселъ, вдругъ задумается, вздохнетъ, слезы покатыются по лицу, словно горохъ, но едва замѣтилъ эти слезы, тотчасъ за

ружье и въ лѣсъ; или займется какимъ дѣломъ, и не замѣтишь, что недавно плакалъ.

Такого-то судьба послала мнѣ пана, и мнѣ жилось такъ хорошо, что я и не подумалъ о будущемъ. Я уже былъ въ лѣтахъ, и онъ самъ не разъ приставалъ ко мнѣ, — не хочу ли я жениться, и предлагалъ хату съ усадьбой. Но какъ разстаться съ такимъ человѣкомъ! Притомъ-же, мы до того отвыкли во дворѣ отъ женщинъ, словно ихъ не существовало на свѣтѣ; намъ казалось, что всю жизнь можно обойтись безъ нихъ, а старый казакъ утверждалъ, что женщина только насорить въ хатѣ. Впрочемъ, старикъ, несмотря на это, всетаки женился. Панъ не только не заговаривалъ ни съ одной женщиной, но даже не смотрѣлъ на нихъ, да и мы хоть и пошалимъ, бывало, въ деревнѣ, но никому женитьба и въ голову не приходила. А между тѣмъ, панъ опустился, да и мы тоже; иные умерли, другіе, въ томъ числѣ и я, постепенно начали старѣть, въ особенности я, потому что, не знаю отчего, въ тридцать лѣтъ ужъ голова посѣдѣла. Но жизнь во дворѣ не измѣнилась. Панъ хоть и бодро держался и ходилъ на охоту, однако уже не съ прежнимъ жаромъ; болѣе занимался въ садикѣ, — видишь ли, начали слабѣть ноги. Я думаю, онъ повредилъ ихъ въ болотѣ, потому что ходилъ много и очень шибко.

Когда онъ началъ поддаваться и занемогалъ по временамъ, — сдѣлался еще мрачнѣе; работать было уже не подъ силу, вотъ онъ принялся за книги; читаетъ, бывало, стонетъ, а по ночамъ, вздыхая, иногда произносилъ имя Бога... Иной разъ, бывало, лежишь въ другой комнатѣ, и прошибуть тебя слезы. Напрасно мы старались забавлять его разными способами; я началъ воспитывать ему птичекъ, это бѣднягу и развлекало не много, но со дня на день становилось хуже, и онъ сдѣлался ко всему равнодушнѣе.

Какъ только слегъ панъ въ постель, къ намъ стали появляться какіе-то незнакомые господа издалека. Приѣхала однажды пани, говорили, жена его брата, потомъ мужъ ея, наконецъ, множество родственниковъ, которые прежде и не вспоминали о немъ, а теперь словно изъ земли повыросли.

Но все это нисколько на него не походило, словно совершенно чужое. Правда, всѣ они были вѣжливы, скромны, гово-

рки тихо, но мы знали отъ ихъ людей, что это одно при-
творство для больного, а дома вели они себя совершенно иначе.
Не знаю, какъ-то пану удалось ихъ отправить всѣхъ разомъ,
такъ что они, разсерженные, разѣхались въ одно время, а мы
остались одни, слава Богу.

Такъ шла жизнь, чѣмъ дальше, тѣмъ грустнѣе, а какъ я
осмотрѣлся, — то тридцать лѣтъ прослужилъ при панѣ, и по-
слѣднее время — неотступно у его кровати. Только, бывало,
больному и утѣшенія, что поболтать со мною, поласкать ста-
раго Бекаса, посмотрѣть на выкормленныхъ дикихъ птицъ, да
еще иной разъ если попадется книжка по вкусу, то постоянно
читалъ ее и казался болѣе спокойнымъ. Видно было, что ко-
нецъ не далеко, но всѣ такъ его любили, что никто изъ насъ
не думалъ о себѣ, а мысль о его смерти или что будетъ по-
томъ, намъ и въ голову не приходила. Когда скончался нашъ
добрый панъ, мнѣ уже было подъ сорокъ. Проведя при немъ
весь вѣкъ свой и привыкнувъ къ нему съ дѣтства, неумѣю
сказать тебѣ, что сдѣлалось со мною, когда я увидѣлъ пана
своего въ гробѣ; мнѣ казалось, что и я лягу съ нимъ въ
могилу.

Сѣлъ я въ ноги и заплакалъ. Пріѣзжали чиновники,
опечатали вещи, кто-то занялся похоронами, а я былъ словно
одурѣлый. На другой день прихожу въ комнату покойника, по-
дошелъ, убралъ все, какъ бывало при жизни пана, и остано-
вился какъ столбъ, словно ожидая чего-то. По-временамъ ка-
залось, что это одно лишь страшное сновидѣніе. И вотъ опять
наѣхали тѣ-же родственники и давай спорить и искать завѣ-
щанія. Перерыли цѣлый домъ и когда ничего не нашли, то,
кажется, устранивъ прочихъ родныхъ, братъ и его жена за-
владѣли всѣмъ имѣніемъ. Пошли новые порядки. Я просился
только, чтобы меня оставили во дворѣ; но зачѣмъ-же былъ
дворъ наслѣдникамъ, когда они не располагали жить въ немъ.
Мнѣ приказано было отправляться въ деревню, но такъ какъ
у меня не было пристанища, а покойникъ не сдѣлалъ ника-
кого распоряженія, то мнѣ чуть-было не пришлось снова сдѣ-
латься пастухомъ вмѣсто стараго Грынды. Однако-же, наслѣд-
ники сжалились надо мною, особенно когда увидѣли, что я
представилъ имъ въ цѣлости всѣ вещи, и позволили мнѣ здѣсь

дожить до смерти. Родныхъ у меня нѣтъ никого... Куда пріютиться? Вотъ мнѣ и дали уголь съ садикомъ за три рубля въ годъ. Видишь эту полуразрушенную корчму подъ дубами за курганомъ,—то моя хата. Двадцать слишкомъ лѣтъ живу я въ ней и благодарю Бога; каждый день навѣдаюсь во дворъ, похожу, поплачу и снова въ свою трущобу.

— И вы одни?

— Какъ видишь, да и умирать приходится одинокимъ. Со смерти пана ни я никому, да и ко мнѣ никто не привязался. Грѣхъ сказать, крестьяне не только не огорчаютъ меня, а, напротивъ, готовы помочь при случаѣ. Но все же я одинъ... одинъ какъ перстъ.

— Подъ старость это грустно,—сказалъ парень.

— Грустно,—отвѣчалъ старикъ,—нечего сказать, но что же будешь дѣлать? Думать о женитьбѣ—не пристало съ сѣдой бородой и опираясь на палку, и, наконецъ, кто пошелъ бы за меня? Развѣ такая, на которой я ни за что самъ не женился бы. Родныхъ Богъ не далъ, значить, надо и умирать, какъ жилось, одинокому.

— И вы не горюете?—спросилъ удивленный парень.

— А къ чему бы? Развѣ я помогъ бы себѣ или перемѣнилъ долю, огорчивъ Господа Бога! Развѣ, наконецъ, человѣкъ не привыкаетъ ко всякой жизни?

Проговоривъ это, старикъ вздохнулъ, вытряхнулъ трубку и, взявъ свой посохъ, собрался домой.

— Ну, прощай, сынокъ! А ты думаешь здѣсь ночевать?

— Жидъ просилъ лечь въ казенкѣ: тамъ, знаете, мѣшки съ мукой и сало, такъ чтобы чего не случилось.

— У насъ, кажется, не должно бы ничего случиться, но береженаго Богъ бережетъ,—отвѣчалъ старикъ.—Доброй ночи.

— Доброй ночи, дядя.

И такимъ образомъ, разстались люди, которыхъ свелъ случай, сблизила часовая бесѣда и которымъ, можетъ быть, не суждено было встрѣтиться въ жизни. Странная вещь: чѣмъ проще люди, чѣмъ патріархальнѣе общество, тѣмъ легче и скорѣе завязывается пріязнь. Цивилизованные же, на примѣръ, чѣмъ болѣе стараются казаться образованными, тѣмъ учтивѣе, тѣмъ съ большими приличіями избѣгаютъ сближенія. Загово-

рить съ незнакомымъ или съ не представленнымъ считается почти грѣхомъ въ обществѣ, разспросить кого-нибудь при первой встрѣчѣ — непростительной невѣжливостью. У простолюдина совершенно иначе (и не скажу, чтобъ было хуже), — одинъ часъ знакомить и сближаетъ, доброе слово или открытая фізіономія вызываютъ тотчасъ откровенное мнѣніе, и зарождаются быстро — и дружба, и ненависть. Здѣсь люди — еще люди, потому уже они дѣлаются какими-то куклами, повинующимися извѣстному движенію тесемки.

Старый Ермола, преданный воспоминаніямъ прошлаго, медленно возвращался домой, а парень, насвистывая пѣсенку и думая объ осиротѣломъ старикѣ, приготовлялъ пукъ соломы, на которой располагалъ уснуть возлѣ двери казенки; ему уже хотѣлось отдохнуть, потому что крестьянинъ готовъ по заходѣ солнца уснуть каждую минуту, лишь бы что-нибудь не помѣшало.

Между тѣмъ Ермола плелся въ свою хату, стоявшую недалеко. Между деревней и берегомъ рѣки, на песчаномъ выгонѣ, поросшемъ изрѣдка высокими соснами и вѣковыми дубами, обрубленными кое-гдѣ лѣнивымъ крестьяниномъ, который не хотѣлъ ѣхать за дровами въ лѣсъ, видѣлось странное строеніе, служившее приютомъ Ермолѣ. Это была не хата, не домъ, а какая-то странная развалина: покинутая старая корчма, выстроенная въ большихъ размѣрахъ, разрушенная по какому-то случаю, безъ крыши, съ торчащими стропилами и клочками соломы надъ нѣкоторыми уцѣлѣвшими стѣнами. Одинъ уголъ корчмы хоть и наклонился, однако стоялъ еще твердо, и въ немъ видно было окно, до половины залѣпленное глиной; дверь съ новыми заплатками и стѣны, сохранившія сѣрый, неопредѣленный цвѣтъ. Остальное строеніе представляло костеръ сгнившихъ брусевъ, почернѣвшаго дерева и кучу навоза, поросшаго сорными травами. Какимъ образомъ уцѣлѣлъ кусокъ кровли надъ жилой хатой и самое строеніе — отгадать было трудно. Возлѣ обложенъ былъ жердями небольшой огородъ, окруженный нѣсколькими вѣковыми деревьями.

Обнаженная, почернѣвшая и растрескавшаяся труба, по-видимому, еще служила обитателю этой трущобы. Развалины, какъ и вообще всѣ деревянныя развалины, не имѣли ни ве-

личія, ни поэзіи каменныхъ руинъ, были грязны и непри-
влекательны; можно было опредѣлить время, въ которое имъ
суждено превратиться въ сугробъ, поросшій бесполезными тра-
вами. Гниль лежавшихъ брусьевъ сообщалась уцѣлѣвшимъ
стѣнамъ и начинала дѣло разрушенія, что видно было въ
тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отвалилась глина. Грустно было смо-
трѣть на подобныя развалины и думать, что въ нихъ суж-
дено существовать человѣку. А между тѣмъ, Ермола, при-
выкшій уже къ своему логовищу, безъ отвращенія возвра-
щался въ свою трущобу, отворилъ дверь, вошелъ въ хату и,
по случаю темноты, доставъ огня, зажегъ щепки, пригото-
вленные въ печкѣ.

Постепенно выходили изъ темноты углы хатки, и уже можно
было рассмотреть ее при блескѣ сухой лучины. Вѣроятно,
хатка эта, съ уцѣлѣвшими стѣнами и крышей, служила прежде
спальней и кладовой арендаря. Дверь, выходившая въ другую
комнату, собственно корчму, разрушенную и не жилую, была
забита досками, обмазанными глиной; старая печь, подновляв-
шаяся ежегодно, утративши прежнюю прямоугольную форму,
приняла горбатый безобразный видъ и вмѣсто заслонки за-
крывалась кирпичами.

Легко догадаться, что утварь не была изысканна: напо-
ловину была она деревенскаго происхожденія — топорной работы,
наполовину состояла изъ дворовыхъ обломковъ и обрывковъ.
Когда отпускали Ермолу послѣ тридцатилѣтней слишкомъ
службы, отпускали съ пустыми руками, то, въ награду за
вѣрность, позволили взять ему разбитые и ненужные какіе-то
обломки, которые хотѣли выбросить. Изъ этихъ-то остатковъ
трудолюбивое убожество сдумѣло сладить почти всѣ необхо-
димыя вещи. Воспользовавшись разными мелочами, Ермола
убралъ хатку вещами, напоминавшими ему пана и молодость.
Спалъ онъ на диванѣ, когда-то бѣлаго цвѣта съ золотомъ,
ножки котораго подогнулись страшнымъ образомъ; въ головѣ
его стоялъ столъ съ шахматной доской еще колбушевской ра-
боты; пара креселъ съ досками вмѣсто подушекъ, очевидно,
происходили изъ Данцига, но ихъ отъ конечнаго разрушенія
удерживали уже только шурки и гвоздики. Возлѣ нихъ стоялъ
зеленый сундукъ, окованный желѣзомъ, мѣстнаго производства.

Едва живая скамейка помѣщалась у двери, а другой столикъ, даже не выглаженный, заставленъ былъ горшками и мисочками. Зато на карнизѣ печки красовались торжественно: кружка севрскаго фарфора съ отбитой ручкой и склеенная простымъ клеемъ, горчицница, саксонскій кофейникъ на ножкахъ, изъ которыхъ одна лѣтъ пятьдесятъ какъ отбита, англійская фаянсовая чашка и простая русская масленка въ видѣ барашка. Убогая, но опрятная, хатка эта была грустна только потому, что убрана была обломками давно забытаго достатка, служащими на удовлетвореніе настоящей бѣдности. На стѣнѣ висѣлъ турецкій коврикъ, но весь въ дыркахъ и заплаткахъ, а постель была застлана грубой попоной; рядомъ съ горшками блестѣли остатки хрусталя, фарфора и фаянса, возлѣ краснаго дерева — простая соснина.

Въ переднемъ углу висѣлъ образъ Почаевской Божіей Матери — мѣстной работы, а возлѣ превосходная, но страшно подмоченная, гравюра Рафаэля Моргена, представлявшая Тайную Вечерю Леонарда-да-Винчи, у которой недоставало цѣлаго угла.

Но дѣйствительнымъ украшеніемъ этой хатки были чистота и порядокъ: нигдѣ не замѣтили бы вы пыли, сора, каждая вещь на своемъ мѣстѣ, и хотя тутъ-же помѣщались всѣ запасы старика и его одежда, однако все было прибрано и разставлено безъ помѣхи одно другому. Ермола прибилъ къ стѣнамъ полки и пользовался малѣйшимъ мѣстечкомъ, чтобы опростать по возможности свое логовище. Даже дрова и щепки — въ извѣстномъ порядкѣ лежали у него всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ. Правда, у него была еще одна комната, въ которой онъ привыкъ складывать громоздкія вещи, но туда нельзя было складывать много безъ замка, потому что бѣднякъ охотно дѣлится съ бѣднякомъ, не разбирая права собственности.

Войдя и затопивъ печку — свѣчи были для него слишкомъ дороги — старикъ сперва осмотрѣлъ, — все ли засталъ въ порядкѣ; потомъ онъ поставилъ горшокъ — подогрѣть ужинъ, который иногда присылала старая казачка, а иногда и дома готовилъ, и, усѣвшись на скамейкѣ противъ огня, началъ шептать молитвы.

Глубокая тишина господствовала вокругъ, лишь по-временамъ вѣтеръ пробѣгалъ по вѣтвямъ ближайшихъ дубовъ и со-

сень, и Ермола предался молитвѣ. Вдругъ средь ночной тишины раздался крикъ ребенка, сначала тихій и неопредѣленный, но постепенно становившійся болѣе явственнымъ. Это былъ голосъ грудного ребенка, послышавшійся такъ близко, что, казалось, выходилъ изъ-подъ двери.

— Что-же это можетъ быть?— сказалъ самъ себѣ старикъ, прервалъ молитву и вставая съ лавки:— неужели какая-нибудь глупая баба вышла съ дѣтьми на рѣку? Или не ко мнѣ ли кто за лѣкарствомъ?

Старикъ началъ прислушиваться, но крикъ ни удалялся, ни приближался,— очевидно дитя лежало гдѣ-нибудь на одномъ мѣстѣ. Судя по холоду и поздней порѣ, нельзя было предположить, чтобы кто-нибудь оставилъ дитя на время, — даже самое положеніе выгона этого не допускало,—но дѣтскій жалобный плачь не смолкалъ ни на минуту.

— А! Это сова,—подумалъ старикъ, опускаясь на лавку:— усѣлась гдѣ-нибудь на дубѣ и завывала... Но можно присягнуть, что дѣтскій голосъ... Какъ, однако-жъ, умѣетъ подражать бестія!

А между тѣмъ старикъ прислушался: плачь постепенно становился выразительнѣе и жалобнѣе.

— Нѣтъ, это не сова, а что-то непонятное! Надо пойти посмотрѣть, — можетъ быть какое-нибудь несчастье. Но что за притча!

И старикъ, быстро поднявшись со скамейки, надѣлъ шапку, взялъ посохъ и выбѣжалъ за дверь, позабывъ даже трубку—свою неразлучную спутницу. На порогѣ уже онъ убѣдился, что слышенъ былъ крикъ какого-то бѣднаго младенца. Старика это поразило, и онъ пошелъ по направленію крика; въ огородѣ подъ ближайшимъ дубомъ что-то забѣлѣло. Ермола—въ огородъ, а передъ нимъ на зеленомъ холмикѣ плакало грудное дитя, завернутое въ пеленки.

«Дитя, покинутое родителями!» блеснула мысль въ головѣ старика, но на порогѣ-же онъ отвергъ ее, какъ невозможность; проникнутый страхомъ, удивленіемъ, участіемъ и сожалѣніемъ, онъ подбѣжалъ и, не помня себя, схватилъ на руки ребенка, который тотчасъ-же пересталъ плакать.

Словно воръ съ добычей, позабывъ даже свой посохъ, бѣжалъ Ермола въ хату, повторяя:

— Дитя! Дитя! Чье-же оно?

Но вдругъ онъ подумалъ, что можетъ быть кто-нибудь нарочно оставилъ ребенка на время, и мать можетъ встревожиться, не найдя его на мѣстѣ. Онъ началъ громко кричать по полѣсскому способу — какъ пастухи, но отвѣта не было ни откуда.

— Однако же нельзя и оставить бѣдное дитя на холодѣ, — сказалъ онъ въ волненіи: — пойду въ хату, вѣрно догадаются, гдѣ надо искать.

Когда старикъ вошелъ къ себѣ, въ печкѣ уже погасло — и въ хатѣ было темно. Положивъ ребенка на кровать, онъ живо началъ растапливать печку, на этотъ разъ не жалѣя своего запаса. Но вотъ свѣтъ распространился, старикъ подбѣжалъ къ расплакавшемуся опять ребенку, и удивленіе и ужасъ его возросли до высшей степени. Ребенокъ, очевидно, былъ не крестьянскій, потому что завернуть былъ иначе. И Ермола рѣшительно не могъ понять, какимъ образомъ, по какой причинѣ мать или отецъ могли отречься отъ маленькаго невиннаго существа, глядя на которое онъ самъ плакалъ отъ жалости и волненія.

Дѣйствительно, отъ перваго момента крика и до этой минуты, старикомъ, всегда доселѣ спокойнымъ, овладѣло какое-то неизвѣстное чувство: онъ былъ взволнованъ, испуганъ, но вмѣстѣ и оживленъ, словно помолодѣлъ двадцатью годами. Съ любопытствомъ подходилъ онъ къ загадочному существу, которое бросила ему судьба на утѣшеніе, словно сжалившись надъ его одиночествомъ, именно въ ту минуту, когда мысль его искала какого-нибудь узла, который привязалъ бы его къ міру.

Старательно обвитое дитя закутано было, однако-же, какъ видно, съ цѣлью скрыть его происхожденіе. Безчувственная-ли мать или равнодушный отецъ, а все-таки позаботились о немъ и обвили его цѣлой штукой толстаго бѣлаго коленкора, оставивъ только открытымъ заплаканное личико.

Съ какимъ-то остоленѣніемъ, заломивъ руки, присматривался Ермола къ ребенку.

Не скоро ему пришло на мысль, что надо же было позаботиться, что, можетъ быть, дитя плачетъ отъ голода, что на него самого неожиданно пала тяжесть, съ которой совладать ему будетъ очень трудно. Молніей блеснули у него передъ глазами: кормилица, колыбель, материнскія заботы и бѣдность, не позволявшая ему нанять прислуги для ребенка.

Наемныя руки, впрочемъ, казались ему недостойными казаться Божьяго дара, какимъ считалъ онъ подкидыша, считая уже себя какъ бы отцомъ, назначеннымъ сироткѣ Провидѣніемъ.

— Но его могутъ отобрать у меня! — подумалъ онъ, и испугался этой мысли.

— Нѣтъ, я не отдамъ его никому: это мое дитя, самъ Богъ послалъ мнѣ его, и я ни за что не покину сиротку.

А надо было что-нибудь дѣлать,—дитя снова расплакалось. Ермола взялъ его на руки. Что начать? Къ кому пойти за совѣтомъ?

Въ то время, какъ старикъ, занятый своимъ страннымъ приключеніемъ, носилъ дитя по хаткѣ, изъ пеленокъ упалъ на землю какой-то тяжелый свертокъ. Съ удивленіемъ поднялъ его Ермола, развернулъ и увидѣлъ нѣсколько десятковъ червонцевъ. Едва не выронилъ онъ ребенка.

— Значить, кто-то богатый отрекся отъ своей крови и покрываетъ золотомъ преступленіе.

И старикъ задумался, стараясь разгадать свѣтъ, который такъ мало зналъ дотолѣ и, можетъ быть, ясновидѣніемъ сердца мгновенно понялъ всю скорбь, убожество и страданія земной жизни.

— Боже мой!—вскричалъ онъ:—нашлись бы, можетъ быть, и такіе, которые отняли бы у сироты эти деньги. Но нѣтъ, никто не узнаетъ, я спрячу ихъ, пока подростетъ приемышъ, а выкормить его постараюсь собственными средствами.

И бросивъ золото въ сундучокъ, стоявшій у кровати, куда онъ клалъ и собственные деньги, старикъ накинулъ верхнюю одежду, рѣшась идти въ деревню попросить у людей совѣта. Закутывая свою ношу, испуганный и вмѣстѣ счастливый, Ермола вбѣжалъ въ хату казачки, вдовы товарища его Герасима, которую обыкновенно называли казачихой. Последняя

сидѣла съ дочерью, которой нѣсколько уже лѣтъ не могла найти мужа, хотя дѣвушка стоила того, чтобы за нею ухаживали.

Хата, которую подарилъ покойный панъ Герасиму, стоявшая на концѣ деревни, по берегу Горыни, давало право старому дворовому говорить: «моя хата съ краю, я ничего не знаю», потому что за нею были только выгонъ и развалины, обитаемые Ермолюю. Между этими двумя хатами,—вслѣдствіе прежнихъ отношеній, сохранялась пріязнь: казачиха мыла бѣлье старика, готовила ему пищу, а иногда Ермола приходилъ къ ней за помощью, а чаще отвести душу бесѣдой. Но казачка была гораздо достаточнѣе и никогда не терпѣла нужды при своей бережливости и расчетливости.

Почернѣвшая ветхая хата, несмотря на то, что казакъ строилъ ее съ помощью пана, походила на всѣ прочія, тянувшіяся рядомъ по деревнѣ, но лѣсъ на стѣнахъ былъ гораздо толще и внутри было лучше. Къ хатѣ этой принадлежалъ небольшой огородъ и немного дальше часть поля для посѣва ржи и ярового хлѣба. У казачихи было четыре коровы, съ которыхъ собирала она молоко, сыръ, масло и продавала въ мѣстечкѣ или окрестнымъ помѣщикамъ; для обработки полей нанимала она плугъ; имѣла десять овецъ и даже купила—было лошадь, которая, однако-же, погибла отъ недосмотра. Кромѣ вдовы казачихи и дочери ея, жили еще въ хатѣ старый паробокъ Федоръ, посѣдѣвшій на чужомъ хлѣбѣ, нѣсколько глухой и большой пьяница, мальчикъ-подростокъ и наемная дѣвушка. Хозяйство, управляемое старухой вдовой, могло назваться достаточнымъ, и тѣмъ страннѣе казалось, что никто не искалъ руки Горпины, которая достигла уже двадцати лѣтъ и считалась первой красавицей въ деревнѣ. Высокаго роста, статнаго сложенія, красивая чернобровая дѣвушка эта казалась переодѣтой панной, когда, бывало, въ праздникъ уберется въ голубую бекешку и желтые сафьяновые сапожки на высокихъ подбѣрахъ. Парни только издали смотрѣли на нее, вздыхали, вертѣли шапками, чесали въ затылкѣ, но ни одинъ не смѣлъ въ ней приблизиться. Во-первыхъ, Горпина дѣйствительно была горда, словно большая панна, во-вторыхъ, носилась молва, что къ ней пріѣзжалъ одинъ шляхтичъ, служившій нѣкогда въ

деревнѣ писаремъ, страстно въ нее влюбленный и которому она отвѣчала взаимностью. Объ этой таинственной связи рассказывали чудеса, и вотъ почему парни избѣгали хорошенькой казачки.

Давно ничего не замѣчая, старуха хлопотала выдать дочку замужъ, какъ умѣла: отправляясь съ нею на храмовые праздники, приглашая къ себѣ молодежь на досвѣтки и вечеринки.

Гости ѣли, пили, веселились, однако никто не присватывался къ Горпинѣ.

Ермола никого не встрѣтилъ предъ хатой, когда подходилъ къ ней съ расплакавшимся ребенкомъ, но освѣщенное окно доказывало, что хозяйка была дома. Старикъ вошелъ со своей ношей.

Опершись на локти и задумавшись, казачиха сидѣла на лавкѣ возлѣ стола, а Горпина у печки: обѣ онѣ молчали, обѣ вмѣстѣ поднимали глаза при стукѣ двери и, увидя Ермолу съ ребенкомъ, вскочили съ крикомъ удивленія:

— Что это значить, дядя? Что такое? — спросила старуха.

— Что, что? — воскликнулъ старикъ, опускаясь на лавку съ ребенкомъ, съ котораго не спускалъ глазъ: — видите, что мнѣ Богъ послалъ дитя.

— Тебѣ! Какъ?

— Такое диво, что и самъ не понимаю. Только-что возвратился я отъ берега съ плотовъ, развелъ огонь и началъ молиться, вдругъ слышу — пищитъ что-то подъ дубами, не то сова, не то ребенокъ. Думаю, филинъ; тамъ, знать, есть дупло въ старыхъ дубахъ; продолжаю молиться, снова что-то плачетъ. Я вздрогнулъ. Надо посмотреть. Выбѣгаю, прислушиваюсь, смотрю... и нахожу этого ребенка. Что-же теперь дѣлать? Что мнѣ дѣлать?

Слушая рассказъ старика, мать съ дочерью молча качали головами.

— Кто-то подкинулъ, — сказала, наконецъ, казачиха, — но кто?

— А кто-же могъ бы бросить ребенка такимъ образомъ? — вскрикнулъ старикъ съ неудовольствіемъ. — Развѣ это возможно?

— О, есть такіе, — отвѣчала казачиха, тряся головою: —

и не такія вещи рассказываютъ о людской злости! Развѣ вы не слыхали, какъ одна мать выбросила ребенка свиньямъ въ корыто, чтобы скрыть свое преступленіе?!

Почти не понявъ послѣдняго, старый Ермола пожалъ плечами, смотря во всѣ глаза на казачиху. Между тѣмъ, обѣ женщины стали передъ ребенкомъ на колѣни, присматриваясь къ нему.

— А какія бѣлыя пеленки!

— А само какое нѣжное.

— Должно быть, панское, потому что—кто же у насъ рѣшился бы на подобную штуку. У насъ нѣтъ этого обычая.

— И выбрали-же мѣсто: подъ вашей хатой!

— Но посоветуйте-же, что мнѣ съ нимъ дѣлать?

— Что хотите,—отвѣчала казачиха:—можете отнести къ эконому, а онъ отправить къ помощнику станового, и возмутъ куда-нибудь въ пріютъ.

— Возьмутъ!—воскликнулъ Ермола голосомъ, въ которомъ слышались слезы:—вотъ отличный совѣтъ! А будутъ-ли тамъ за нимъ смотрѣть? Можетъ быть, уморятъ бѣдняжку съ голода!

Старуха пожала плечами.

— А вы что съ нимъ станете дѣлать?—спросила она.

— Посоветуйте, кумушка.

— Что-же вы думаете?

— Развѣ я знаю, — отвѣчалъ старикъ: — у меня голова идетъ кругомъ... Ни за что не хотѣлось-бы покинуть дитя, посланное мнѣ самимъ Богомъ, но не знаю—удастся-ли мнѣ его выкормить... Впрочемъ, почему-же и нѣтъ!

— Надобно отдать его кормилицѣ. Сходите прежде всего къ Юрковой невѣсткѣ.

— Ни за что на свѣтѣ—это такая злая баба! Она его замучить, да и отъ меня потребуетъ Богъ знаетъ сколько, когда у меня въ карманѣ грошъ гроша ищетъ. Если-бы дали ему немножко молочка,—посмотрите какъ плачетъ,—можетъ быть, оно пило-бы. Я договорилъ бы у васъ молоко.

Казачиха разсмѣялась.

— Какъ? Вы сами будете и нянчить, забавлять, баюкать... Развѣ у васъ нѣтъ больше никакого дѣла? Ребенокъ—вѣчныя хлопоты; помню, сколько я возилась съ покойнымъ

Тимошкой, да и съ Горпиной тоже: ни днемъ, ни ночью нѣтъ отдыха.

— Развѣ уже я такъ много сплю, или такъ много работаю? — отвѣчалъ упрямый Ермола, постепенно привязывавшійся къ своему найденышу: — мнѣ довольно отдохнуть нѣсколько часовъ, и дитя спитъ постоянно, лишь-бы не было голодно. Найдется время и вздремнуть, и поработать въ огородѣ, и напечь себѣ картофеля.

— Но чѣмъ-же вы будете кормить его?

— Разумѣется, молокомъ.

— А если оно и пить не сзумѣетъ?

Ермола вздохнулъ.

— Не сзумѣетъ!.. Ну, научится. Однако что-же дѣлать?

Казачиха взяла изъ рукъ старика дитя и начала присматриваться: дитя плакало. Горпина побѣжала за свѣжимъ молокомъ, рассказала новость сосѣдкамъ, и вскорѣ цѣлая толпа съ любопытствомъ окружила Ермолу.

Никто изъ стариковъ не только не помнилъ ничего подобнаго въ деревнѣ, но даже не слышалъ. Толкамъ не было конца.

Совѣтовалъ войтъ, совѣтовала громада: и старые, и молодые, и холостые, и женатые, женщины, дѣвушки, но ничего не могли придумать, потому что всѣ другъ друга сбивали, поддакивали другъ другу и только сходились въ одномъ, — въ одинъ голосъ совѣтовали взять въ кормилицы Юркову невѣстку.

А сколько было догадокъ, странныхъ предположеній, шутокъ и сколько упрековъ недобрымъ людямъ!

Никто, однако-же, не папалъ на слѣдъ виновника этого событія; ни въ деревнѣ, ни вблизи не видѣли подъ вечеръ никого чужого, и даже ни одинъ пріѣзжій не показывался въ Коринѣ на перевозѣ. Когда уже общество наговорилось и начало расходиться, разнося по деревнѣ неожиданную новость, старый Ѳедько, извѣстный владѣлецъ пѣгой кобылы, опершись на палку, сказалъ Ермолѣ:

— Вотъ что мнѣ пришло на память, лѣтъ двадцать назадъ въ Малычкахъ овдовѣлъ знакомый мнѣ хозяинъ; жена его умерла и оставила дѣвочку меньше года. Одинокій бѣднякъ

не могъ нанять мамки и напрасно ходилъ по деревнѣ и просилъ, чтобы взялъ кто-нибудь спротку, а у него не было даже коровы. Знаете, что онъ сдѣлалъ? На послѣднія деньги, оставшіяся отъ похоронъ, купилъ онъ козу, которая и выкормила ему такую дѣвушку, какой нѣтъ въ цѣломъ приходѣ.

Ермола вскочилъ съ мѣста.

— Давайте-же козу! — воскликнулъ онъ съ живостью. У бога есть коза? Куплю непременно.

— Есть у арендара.

— Дѣлать нечего, иду и покупаю.

И старикъ бросился къ двери, но его удержали Ѳедько и казачиха.

— Побойся Бога! — сказалъ крестьянинъ. Вѣдь жидъ шкуру съ тебя сдеретъ, если узнаетъ, что необходима коза.

— А пускай беретъ что хочетъ, лишь-бы уступилъ козу.

— Отдадите за нее послѣднюю рубаху, — прервала казачиха; — это такой обдирало, какого трудно найти и между жидами. Не торопитесь, хоть скажите, что такъ вотъ захотѣлось имѣть козу, не то потребуешь столько-же, сколько и за корову.

— А пойду-ка и я съ тобою, — сказалъ Ѳедька, — посмотрите, какъ проведемъ жида.

— А что-же дѣлать съ ребенкомъ?

— Не безпокойтесь, оставьте у насъ пока, ему ничего не сдѣлается.

— Только, Бога ради, кумушка, осторожниѣе, — сказалъ Ермола заботливо.

— Смотрите! Онъ еще будетъ учить меня! Да развѣ-же я первый разъ вижу ребенка? Я укачаю его, напою молочкомъ, хоть-бы пришлось давать съ пальца по капелькѣ. Будьте спокойны.

— Я возвращусь живо, только прошу васъ, чтобы ребенокъ...

Онъ не договорилъ, потому что казачиха расхохоталась. Собираясь выходить, Ермола припомнилъ, что не курилъ давно. Вынувъ изъ кармана трубку, набилъ, закурилъ и, несмотря на темную ночь, пустился, въ сопровожденіи Ѳедьки, къ новой корчмѣ, стоявшей среди деревни.

Въ селѣ, гдѣ, благодаря пристани, постоянно много на-

рода, гдѣ кипить лѣсная торговля, гдѣ поминутно суетятся судорабочіе, купцы и ихъ прикащики, въ корчмѣ не можетъ уже сидѣть какой-нибудь жидокъ-оборванецъ. Такимъ образомъ, и въ Попелянской корчмѣ извѣстный Шмуль не походилъ на обыкновеннаго арендара, отправляющагося за три мили съ бочонкомъ за водкой.

Это былъ еврей, разжившійся отъ торговли лѣсомъ, смолою, лучиной, дегтемъ и разнаго рода полѣскими произведеніями до грибовъ и сушеныхъ плодовъ включительно. Корчма тоже давала ему порядочный доходъ, и Шмуль, чувствуя въ карманѣ туго набитый бумажникъ и сознавая важность своего положенія, сбивался уже на типъ своихъ единовѣрцевъ, называемый шейне морейне. Новая корчма, въ которой онъ помѣщался, уже не походила на корчмы прежняго времени, сохранившія наружность древне-славянскихъ вѣчевыхъ построекъ, въ которыхъ собирався людъ по дѣламъ общественнымъ. Не было при ней навѣса на столбахъ, потому что не рассчитывалось на путешественниковъ, а построенъ былъ сарайчикъ, въ которомъ пріѣзжій еврей могъ помѣстить свою бричку; эта корчма скорѣе походила на порядочный шляхетскій домикъ. Въ одной половинѣ большая комната служила шинкомъ съ лавками вокругъ стѣнъ, куда изъ-за перегородки открывалось окно для продажи питей, т. е. опускалась деревянная скамеечка, которую ночью замыкали на ключъ, а днемъ подпирали старымъ березовымъ колесомъ. Въ другой половинѣ, украшенной не безъ нѣкоторой претензіи, помѣщался Шмуль Попелянскій со всѣмъ своимъ семействомъ, оставляя, однакоже, назади для пріѣзжихъ купцовъ, одну особенную комнату.

Первая комната смахивала нѣсколько на гостиную: въ ней былъ лакированный диванъ, обитый ситцемъ съ желтыми разводами, два кресла съ черными стрѣлами вмѣсто ручекъ, зеркальце, испачканное мухами, и подъ стекломъ два портрета еврейскихъ знаменитостей: гамбургскаго и виленскаго раввиновъ, шкафъ съ фаянсомъ, ромомъ и цѣнными вещами, и шатающійся столъ съ ножкой въ видѣ лиры, постоянно покрытый цвѣтной салфеткой.

Полъ, нѣкогда выкрашенный, представлялъ какую-то пестроту; печь запиралась желѣзной дверцей съ мѣднымъ ша-

рикомъ. Въ другой большой комнатѣ какъ-то ярче выдѣлялась еврейская неопрятность, рядомъ съ которой замѣтны были, однако-же, и желаніе удобствъ, и намѣреніе блеснуть предъ другими. На постели съ ситцевыми занавѣсками наложено было цвѣтныхъ подушекъ подъ самый потолокъ; у стѣны стоялъ черный шкафъ съ книгами и бумагами, хромое бюро и тутъ же рядомъ куча картофеля, корыто, лапша, сохнувшая на салфеткѣ, лаханъ съ помоями, а среди всего этого бѣлый индѣйскій пѣтухъ расхаживалъ, не стѣсняясь, какъ дома.

Шмуль былъ красивый мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ. Онъ женился вторично, потому что у него съ покойницей былъ всего одинъ только сынъ, торговавшій уже въ мѣстечкѣ, а Шмуля не удовлетворяло такое малочисленное потомство. Разбогатѣвшій арендаръ взялъ бѣдную красавицу, которая, втеченіе неполныхъ трехъ лѣтъ, подарила ему уже троихъ Шмуленковъ и неожиданною плодовитостью благословила его сѣдую голову. Съ перваго взгляда, этотъ серьезный еврей поражалъ прекрасной и, повидимому, благородной фізіономіей; хотѣлось смотрѣть на нее и вѣрить въ его честность; но и онъ лгалъ также, какъ и другіе, и лицомъ, и глазами, и своей красивой наружностью.

Надобно сказать правду, что трудно было гдѣ-нибудь найти болѣе гнусную нівяку, какъ попелянскій Шмуль, и большіе барышни не отбивали его отъ копѣчной выгоды; рядомъ съ тысячами — клалъ онъ вымученный мѣдный грошъ, облитый крестьянскимъ потомъ, и гордый своимъ положеніемъ и богатствомъ, смотрѣлъ на простолюдина, какъ на четвероногое животное.

Дошло до того, что крестьяне предпочитали тайкомъ обдѣлывать дѣла съ небогатыми евреями въ мѣстечкѣ, нежели обращаться къ мѣстному монополисту, что еще болѣе возбуждало противъ нихъ Шмуля, который не могъ простить имъ, какъ это они не позволяли ему обирать себя. Подобныя дѣйствія съ ихъ стороны онъ считалъ бунтомъ, и, такъ какъ сохранилось какое-то смутное преданіе, что онъ имѣлъ право жаловаться на убытокъ, если-бы крестьянинъ поѣхалъ на чужую мельницу, то онъ уже считалъ себя въ правѣ шумѣть, если кто-нибудь безъ его вѣдома продавалъ на базарѣ мѣшокъ

хлѣба или корову. Необыкновенно дѣятельный Шмуль ничего не упускалъ: все ему годилось, и для всего онъ находилъ время; никогда не оставляли его хладнокровіе и находчивость.

И къ такому-то всемогущему арендарю въ надеждѣ купить козу бѣжалъ неосмотрительный Ермола. Къ счастью, сопутствовалъ ему Ѳедько, человѣкъ болѣе опытный, знакомый съ людскою совѣстью и не щадившій ни ногъ, ни горла, ни времени, если можно было сохранить копѣйку. По дорогѣ Ѳедько давалъ Ермолѣ наставленія, но послѣдній не слушалъ, имѣя одно въ предметѣ — добыть козу, во что бы то ни стало. А эта коза довольно пожилая и, къ несчастью, любимица Сары и ея старшаго сына, много-много что стоила золотыхъ 12 (1 р. 80 к.), но Ермола готовъ былъ заплатить и 20, чему, сообразивъ обстоятельства, и Ѳедько не очень противился. Но какимъ образомъ приступить къ Шмулю съ предложеніемъ? Угадай онъ настоящую нужду — заломить въдесятеро; слѣдовательно, было необходимо надуть еврея, чтобъ онъ не надулъ бѣдняка Ермолу.

Корчма уже была недалеко, когда Ѳедько, подумавъ немного, велѣлъ Ермолѣ остановиться.

— Посиди здѣсь возлѣ этой хаты, — сказалъ онъ, — и подожди, я пойду попытаю жиды, и не бойся, я какъ-нибудь съ нимъ слажу. Если пойти прямо и торговать козу, то онъ запроситъ тоже, что и за корову; надо, чтобы жидъ самъ предложилъ. Подожди, я попробую.

— Что-же ты сдѣлаешь?

— Увидишь, — съ живостью отвѣчалъ Ѳедько, принимая дѣло Ермолы близко къ сердцу: — только слушайся меня.

Ермола усѣлся на завалинкѣ и, облокотясь на посохъ, задумался о будущемъ, какъ очень давно не задумывался.

Ѳедько, между тѣмъ, отправился прямо въ корчму, но тамъ ходила только коза, а хозяина не было. Отворивъ дверь въ парадную комнату Шмуля, отеревъ тщательно ноги и попросивъ позволенія войти, онъ переступилъ осторожно съ шапкой подъ мышкой и нѣсколько разъ поклонился. Ѳедько не позабылъ также стать на рогожкѣ, зная, что еврей гнѣвался, если наносили ему въ комнату грязи, и еще разъ поклонился.

Имѣя нужду въ ласковомъ приѣмѣ, необходимо было знать

хорошо, подобно предусмотрительному Оедькѣ, всѣ условія, а, именно: отереть ноги, держаться у порога и не называть еврея арендаремъ, а купцомъ, ибо Шмуль утверждалъ, что шинокъ для него вздоръ, и онъ живетъ въ деревнѣ собственно для удовольствія.

— Ну, что скажешь, Оедько?—спросилъ еврей, качавшійся надъ духовной книгой, но прерывавшій молитву, когда встрѣчалось дѣло, зная, что Богъ терпѣливѣе человека.

— Видите-ли, господинъ купецъ, случилась оказія.

Простолюдинъ называетъ оказіей каждое неожиданное происшествіе, каждый случай, могущій быть поводомъ къ чаркѣ.

— Оказія? Ну, что-же? Крестины, свадьба или похороны? Боже сохрани, кто умеръ? Конечно, надобно въ домъ водки?

— Нѣтъ, я случайно узналъ одно дѣло и хотѣлъ вамъ сказать: можно кое-что заработать...

— Въ чемъ-же дѣло?—спросилъ Шмуль, вставая, и, заложивъ руки за поясъ, подошелъ къ Оедькѣ.

— Ваша милость (титულъ этотъ очень нравился жиду), знаете старика Ермолу, который живетъ въ старой развалившейся корчмѣ?

— Знаю, какъ не звать этого голыша!

— Это правда, но онъ гдѣ-то раздобылъ немного денегъ.

— Ну, и что-жъ, хочетъ пропить ихъ?

— Куда ему, онъ водки не пьетъ, а ему непременно захотѣлось купить корову, — половину денегъ сейчасъ, а половину въ долгъ.

— Корову? А зачѣмъ ему корова?

— Хотѣлъ уже идти въ мѣстечко, но я его удержалъ, видите ли, мнѣ что-то пришло въ голову.

— Въ мѣстечко? У нихъ сейчасъ въ мѣстечко!—подхватилъ еврей, пожимая плечами. — Ну, что-же ты, Оедько, подумалъ?

— Я хочу его увѣрить, что зачѣмъ же брать корову, когда можно купить дойную козу на чистыя деньги. Можетъ быть, вы продали бы ему свою старую?

Шмуль пристально посмотрѣлъ въ глаза Оедькѣ, который не смѣшался, къ счастью, да и трудно было догадаться о заговорѣ и въ совѣтѣ купить бѣлую козу. Арендарь только

попыталъ его вопросомъ, какъ зондомъ, запущеннымъ въ глубь раны.

— Ермола здѣсь, въ корчмѣ?

— Нѣтъ, онъ сидитъ цѣлый день у сосѣдей, но, если хотите, я могу уговорить его и привести, хоть онъ въ корчму и ходить неохотно. Но, можетъ быть, вы не располагаете продать свою старую козу? Я вѣдь это такъ придумалъ изъ почтенія къ вамъ; думаю себѣ, зачѣмъ-же деньгамъ уходить изъ деревни? А если вамъ не съ руки, пускай себѣ отправляется въ мѣстечко.

— Погоди, погоди, — сказалъ, подумавъ, еврей Ѳедькѣ, который брался уже за дверь, — зачѣмъ ему идти въ мѣстечко?

И онъ кликнулъ Сару, съ которой заговорилъ по-своему. Какъ ни старался Ѳедько догадаться по жестамъ еврея и его жены, въ какомъ положеніи дѣло, но успѣлъ только замѣтить, что Шмуль говорилъ кротко, а Сара отвѣчала нѣсколько сердито. Наконецъ, послѣдняя вышла, а Шмуль обратился къ крестьянину:

— Ты добрый человѣкъ, — сказалъ онъ, потрепавъ его по плечу, — если нужно будетъ въ долгъ, велю отпустить на цѣлый рубль, слышишь! Приведи-ка Ермолу въ шинокъ, онъ тамъ увидитъ козу, я согласенъ уступить. Онъ не будетъ въ накладѣ: коза очень хороша. А много у него денегъ?

— Право не знаю: кажется золотыхъ 15 (2 р. 25 к.), но ему еще хотѣла занять казачиха.

Еврей молча кивнулъ головою и, отправивъ крестьянина, который поспѣшилъ къ товарищу, надѣлъ тулупъ и тихо пошелъ въ корчму, подъ предлогомъ потребовать отчетъ отъ солдатки Марыси, которая и въ шабашъ и прочіе дни продавала водку, доила коровъ, нянчила дѣтей и давно уже служила въ домѣ.

Въ большой, мрачной, освѣщенной лучиною корчмѣ находилась только Марыся, маленькая, толстая женщина, которую народъ называлъ кадушкой, да извѣстная бѣлая коза, шатавшаяся по угламъ, ища корма и какой-то прохожій полѣшукъ храпѣвшій словно немазаная повозка.

Шмуль прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, поглядывая, то на козу, то на Марысю, удивленную его приходомъ, зѣв-

нулъ, вздохнулъ и, услыхавъ шорохъ въ сѣняхъ, принялся разсчитывать что-то мѣломъ на тускломъ окнѣ, притворяясь сильно занятымъ.

Въ корчму вошли Оедько съ Ермолкой, дрожавшимъ какъ листъ и стыдившимся комедіи, которую принужденъ былъ разыгрывать. Прежде всего старикъ взглянулъ на козу и не премѣнно обличилъ бы себя, если-бы Шмуль замѣтилъ, но послѣдній, также разыгрывая роль, представлялся погруженнымъ въ расчеты и стоялъ спиною къ двери.

— Добрый вечеръ, г. купецъ,—сказалъ Оедько.

— Добрый вечеръ.—Шмуль оборотился и что-то пробормоталъ подъ носъ.

— Не выпить ли намъ по чаркѣ? — сказалъ Оедько товарищу.

— Я-то пью рѣдко, но развѣ для васъ. Налейте намъ, Марыся.

— Я слышалъ, вы хотите идти на базаръ,—продолжалъ первый,—стало, надо подкрѣпиться.

— Ну, и зачѣмъ-же на базаръ?—спросилъ Шмуль, — если что хочешь продать, то и я, можетъ быть, купилъ бы.

— Нѣтъ, у меня другая надобность.

— Какая-же другая? И тотчасъ въ мѣстечко! У васъ за всякой глупостью въ мѣстечко. Развѣ надо купить что-нибудь?

— Видите ли, г. купецъ,—вмѣшался Оедько! — куму захотѣлось коровы, вотъ онъ и ищетъ хлопотъ себѣ на шею.

— А на что тебѣ корова?

— Такъ... можетъ быть, перепала бы лишняя копѣйка.

— Вай!—воскликнулъ Шмуль, махнувъ рукою,—видно, у тебя никогда не было коровы и ты не знаешь, что значить прокормить ее. Дай пастуху, а пастухи извѣстно сколько стоятъ и всегда пригоняютъ голодный скотъ; купи сѣна, а сѣно теперь дорого какъ шафранъ; купи половы, а половина десяти грошей за мѣшокъ; купи, а я не продамъ меньше грибенника, мнѣ всѣ такъ платятъ. Надобно зелени, картофеля, иначе исхудаетъ. А болѣзнь, а станетъ яловая.. Наконецъ, и безо всего не дать молока полгода.

— А масло, а сыр!

— Кто-же у тебя станетъ заботиться объ этомъ?—спросилъ еврей, пожимая плечами.

Словно убѣдившись доводами, Ермола почесалъ въ затылкѣ.

— А что я вамъ говорилъ,—вмѣшался Оедько,—бѣдному скотина только лишнія хлопоты.

— А все же остался бы мнѣ теленокъ, да и молоко всегда въ домѣ,—сказалъ Ермола.

— Рассказывайте! Для молока, я вамъ скажу, ничего нѣтъ лучше козы,—продолжалъ посредникъ.—Во-первыхъ, она стоитъ не дорого и прокормится кое-чѣмъ: вѣтками, огрызками, разными вздоромъ. Ухода за ней никакого, а какъ напѣешься козьего молока, по крайней мѣрѣ знаешь, что пилъ — и съ запахомъ и здорово...

— Правда,—подтвердилъ арендарь,—и я говорю, коза лучше. Мы это хорошо рассчитали и, какъ видите, у насъ наибольше козы. Но люди смотрятъ и не понимаютъ: коза—это сокровище.

— Кто знаетъ, можетъ быть и я, надумавшись, куплю себѣ козу,—сказалъ тихо Ермола.

— И хорошо сдѣлаете,—воскликнулъ Оедько.—Вотъ если бы панъ Шмуль продалъ свою бѣлую...

— Что ты толкуешь! — подхватилъ еврей съ живостью, какъ бы услышавъ нечаянно:—я не продамъ эту бѣлую козу ни за какія деньги. Моя жена и дѣти любятъ ее; это неоцѣненное животное, она стоитъ дороже коровы.

— Жаль,—сказалъ Ермола.—Чѣмъ утруждать старыя ноги въ мѣстечко, можетъ быть, я подумалъ бы о вашей козѣ.

— О, эта коза!—воскликнулъ еврей.—Видали-ли вы когда нибудь такую козу? Она такъ умна, что съ ней можно разговаривать, а молоко—не различишь отъ коровьяго. Верстъ на сто вокругъ не найдете ничего подобнаго, золото—не коза.

— А старенька?—спросилъ Ермола.

— Какъ стара? Коза, вѣдь, чѣмъ старѣе, тѣмъ лучше. А эта гдѣ же стара? Теперь только начинаетъ жить, она проживетъ лѣтъ двадцать,—сказалъ Шмуль, оживляясь постепенно.

— Что-же она стоитъ?—спросилъ, наконецъ, Ермола.

— Объ этомъ нечего и говорить: она мнѣ стоила два рубля англ. козленкомъ. Надоно знать, что это не простая коза, а

особой породы! Я не отдалъ бы ее и за шесть рублей; она почти ничего не ѣстъ, а всегда въ тѣлѣ и ежегодно приноситъ двухъ козлятъ.

Всѣ замолчали на минуту. Переминаясь съ ноги на ногу, Ермола не зналъ что дѣлать и смотрѣлъ на козу, которая ходила по комнатѣ, постукивая копытами и вынюхивая по всѣмъ направленіямъ. Животное собирало листья, огрызки, растоптанный лукъ, и надо отдать ему справедливость, не полагаясь ни на кого, старательно заботилось о своемъ содержаніи.

— Вамъ бы кстати, — заговорилъ опять Ѳедько товарищу, — коза привыкла къ деревнѣ, знаетъ, гдѣ находить пищу, коза дойная, опытная, надежная.

— И не простая, — прибавилъ еврей, — а высокой породы.

— Но какъ же можно дать за нее столько денегъ! — прервалъ Ермола.

— Ну, знаешь что, — подхватилъ, приближаясь Шмуль, — ты человекъ честный, я тебя люблю. На базарѣ тебя могутъ надуть, а я по знакомству уступлю за три рубля. Это мое последнее слово, а тамъ себѣ какъ хочешь.

Ожидавшій гораздо большаго запроса, Ѳедько подошелъ къ товарищу.

— Бейте по рукамъ и поблагодарите пана купца, — сказалъ онъ, — право, дешевле грибовъ. Платите деньги и берите товаръ.

— Ну, дѣлать нечего, пусть будетъ и такъ, только ужъ одолжите и веревочку отвести домой.

Почесавши въ затылкѣ, Ермола досталъ изъ узелка три рубля и подаль ихъ Шмулю; этотъ осмотрѣлъ ихъ, поплевалъ по обычаю и положилъ въ карманъ.

— Смотрите же, завтра принесите назадъ веревочку, — сказалъ еврей, медленно направляясь къ двери.

— А магарычъ? — спросилъ Ѳедько несмѣло.

— Магарычъ отъ Ермолы, — отвѣчалъ Шмуль. — Впрочемъ, такъ какъ онъ ни торговался, то не платите уже за водку, такъ и быть магарычъ на мой счетъ.

Марыся бросила веревку съ петлей, служившую для тасканья дровъ, а Ѳедько, притворивъ дверь, началъ ловить козу, ко-

торая, догадавшись о покушеніи на свою свободу, бѣгала и сопротивлялась. Еврей удалился въ свою комнату.

— А еще старики,—сказала Марыся по уходѣ хозяина,—и такъ оплошали. Двадцать злотыхъ (3 р.) за старую козу! Да въ мѣстечкѣ можно бы купить три молодыхъ за эти деньги.

Старики молчали и, поймавъ, наконецъ, животное, зацѣпили веревкой за рога и увели добычу.

Ермола дрожалъ отъ радости, слезы наполняли ему глаза, онъ обнималъ кума.

— Ну, братъ, удружилъ ты мнѣ... пусть Богъ наградить тебя,—говорилъ онъ тихо.

— Зато уже нельзя Шмулю и на глаза показаться, — отвѣчалъ со вздохомъ Ѳедько, измѣря опасность, которой подвергалъ себя. — Только провѣдаетъ о ребенкѣ, догадается ба-сурманъ и не проститъ мнѣ штуки. Содралъ бы онъ съ тебя, если-бы зналъ, въ чемъ дѣло.

Разговаривая потихоньку, товарищи направились къ хатѣ вдовы, приводя разными способами къ послушанію козу, которая ни за что не хотѣла удалиться отъ своего жилища.

А за ними шумѣла уже буря: черезъ нѣсколько минутъ по ихъ уходѣ, Сара вбѣжала къ Шмулю съ извѣстіемъ, переданнымъ Марысѣ, что Ермолѣ подкинули ребенка.

Догадавшись тотчасъ, въ чемъ дѣло, еврей пришелъ въ ярость и въ гнѣвъ укусилъ себя за палецъ.

— Ну, злодѣй Ѳедько, смотри же теперь въ оба,—сказалъ онъ, качая головою. — Живъ не буду, чтобы не отплатить тебѣ за эту штуку.

Ш.

Не бывъ въ состояніи сладить съ козою, которая то-и-дѣло рвалась назадъ, Ермола поручилъ ее товарищу, а самъ поспѣшилъ впередъ къ казачихъ.

Пройдя быстро въ дверь, старикъ направился прямо къ лавкѣ, на которой лежало дитя, облегченное немного отъ пе-

ленокъ. Подкрѣпившись молокомъ, ребенокъ дремалъ, а надъ нимъ сидѣла казачиха, Горпина, и всѣ домочадцы, зѣвая надъ неожиданнымъ гостемъ.

Ермола пробился сквозь толпу и присѣлъ на корточки.

— Кажется, дремлетъ! — шепнулъ онъ казачихѣ.

— Засыпаетъ бѣдняжка, — отвѣчала вдова, кивнувъ головою.

— А пилъ молоко?

— О, и какъ еще и тотчасъ пересталъ плакать. А коза?

— Купилъ. Оедько ведетъ.

Ермола не сводилъ глазъ съ ребенка.

— Какое славное дитя! — сказалъ онъ, — должно быть, панское.

— Крѣпкій и здоровый мальчикъ, — отвѣчала казачиха; — но всѣ дѣти одинаковы, пока маленькіе. Послѣ уже, кумъ, разберешь, которое росло подъ плетнемъ въ крапивѣ, и которое на солнцѣ и на воздухѣ. Но ребенокъ здоровъ и тѣмъ лучше; значить, меньше будетъ хлопотъ съ нимъ.

— Ей-Богу, кума, — сказалъ онъ, — еще ни разу въ жизни не видѣлъ я такого красиваго ребенка.

Казачиха засмѣялась.

— Вы, Ермола, кажется, рехнулись, — отвѣчала она, пожавъ плечами. — Но какъ-же, думаете сами его выкормить?

— Отчего-же? — спросилъ удивленный старикъ. — Неужто отдать въ чужія руки,

— Но вы просто не будете знать, что съ нимъ дѣлать! Если-бы еще была у васъ старуха, а то какъ-же вамъ самимъ нянчить ребенка! Вѣдь надо его кормить, качать, свивать, а вы ничего этого не съумѣете.

Ермола махнулъ рукою.

— Не боги же вѣдь горшки обжигали, какъ нибудь уладимъ. Наконецъ, вы мнѣ посовѣтуете; но ни за что въ свѣтѣ никому не отдамъ ребенка.

— Право, дѣдъ помѣшался, — сказала она, пожимая плечами, — ему кажется — уложить дитя все равно, что щенка! А того не знаетъ, что годъ-два надо возиться и возиться.

— Чѣмъ дольше, тѣмъ лучше. Не гворите, кумушка, и

слушать не хочу. Я самъ его выкормлю, посмотрите, какой будетъ молодецъ!

Всѣ захохотали. Это подѣйствовало на старика, и онъ усомнился въ себѣ на минуту.

— Кумушка! — сказалъ онъ грустно-тихимъ голосомъ, — вѣдь вы не откажетесь помочь мнѣ научить? Я услужу вамъ за это. Придетъ жатва или работа въ огородѣ, только кликните, я готовъ.

— Я и безъ того готова помочь и вамъ, и сиротѣ, — отвѣчала казачиха; — но странно вы думаете, что, не зная, какъ ухаживать за дѣтми, можно подъ старость замѣнить мать ребенку.

Ермола не отвѣчалъ ни слова: судя всѣхъ по себѣ, онъ побаивался, не хотятъ ли подъ этимъ предлогомъ отнять у него ребенка и, подойдя къ лавкѣ, завернулъ дитя, взявъ его на руки и направился къ порогу. Въ это время въ дверяхъ появился Оедько съ козою. На темномъ фонѣ отворенныхъ дверей, озаренная свѣтомъ лучины, бѣлая голова козы показалась чѣмъ-то необыкновеннымъ, такъ что Горпина вскрикнула.

— Вотъ и мамка! — сказала казачиха.

— Пойдемъ домой, — отозвался Ермола. — Доброй ночи, кума! Придите же, будьте ласковы, завтра утромъ.

— Приду непременно изъ любопытства.

Изъ боязни, чтобы у него не отняли ребенка, Ермола быстро вышелъ изъ хаты и только, очутившись на улицѣ, вздохнулъ свободнѣе. Оедько вель за нимъ козу, и такимъ образомъ отправились они къ развалинамъ.

Дорогой Ермола говорилъ самъ съ собою: почему же мнѣ не управиться? Старой казачихѣ захотѣлось моего пріемыша, но я не отдамъ ни за что, она не заботилась бы о немъ какъ слѣдуетъ. Не боги же вѣдь горшки обжигали, я самъ выкормлю его, и у меня будетъ сынъ, будетъ сынъ, — повторялъ старикъ съ радостью.

— Любезный Оедько! — обратился онъ къ товарищу, — береги, пожалуйста, козу, я дамъ тебѣ злотъ (15 к.), за то, что ты помогалъ мнѣ. Богъ да наградить тебя.

И старики въ темнотѣ добрались къ цѣли путешествія. Положивъ дремавшее дитя на постель и вздувъ огонь, Ермола

поспѣшилъ отправить Оедько, который торопился къ пѣгой клячѣ, составлявшей все его имѣніе, далъ ему золотый, поблагодарилъ и — остался одинъ съ козой и ребенкомъ.

О снѣ онъ и не подумалъ, потому что много еще предстояло работы, разныхъ приготовленій. Усѣвшись у печки и не зная за что прежде приняться, старикъ не спускалъ глазъ съ ребенка, а коза въ это время била рогами въ дверь, бѣгала по хатѣ и хватала, что попадалось изъ сѣдобнаго. Стукъ козы пробуждалъ ребенка, а Ермола спѣшилъ убаюкивать его, но такъ какъ это повторялось часто, то онъ и придумалъ привязать въ углу жидовку (имя, данное козѣ Ермолою), подбросилъ ей немного соломы, и, примирясь со своей долей, коза успокоилась. Дитя уснуло тихо и спокойно, а старику не было гдѣ и нѣ плечъ, да онъ и не заботился объ этомъ и усѣлся на скамейкѣ: ему до утра предстояло и подумать и позаботиться о многомъ.

Люди уже предостерегали его, что надобно дать знать эконому Гудному о ребенкѣ и объявить, что беретъ его къ себѣ на воспитаніе. Бромъ этой непріятной обязанности, отъ которой откупился бы Ермола охотно, старику предстояло еще сдѣлать колыбель и приготовить разные мелочи. Дитя просыпалось и кричало, надо было убаюкивать его, и, несмотря на то, что это случалось довольно часто, старикъ находилъ силы возиться съ ребенкомъ, потому что силы эти происходили изъ сердца.

Въ подобныхъ заботахъ быстро промчалась весенняя ночь, и сѣрый день, заглянувъ въ окна, засталъ Ермолу еще и не думавшаго объ отдыхѣ. Онъ хотѣлъ идти вытесать колыбель въ другой комнатѣ, но боялся оставить одного ребенка, тѣмъ болѣе, что коза могла бы разбудить дитя, а ему при стукѣ топора не было бы этого слышно.

По-временамъ представлялись ему трудности и горе, но потомъ снова блестѣла надежда на успѣхъ и старикъ забывалъ голодъ, необходимость сна и усталость. Разсвѣло уже совершенно, когда онъ принялся доить козу на завтракъ приемышу, но старая жидовка не такъ была послушна, какъ онъ думалъ. Она была упряма, знала лишь тѣхъ, къ кому привыкла, и неохотно покорялась новому владѣльцу. Сперва ста-

рикъ обращался съ ней очень кротко, гладилъ ее, уговаривалъ, но потомъ долженъ былъ прибѣгнуть къ болѣе грутымъ мѣрамъ. Тогда коза воспротивилась окончательно, сорвалась съ привязи и начала прыгать по хатѣ, стуча рогами то въ одну дверь, то въ другую. Дитя проснулось, начало кричать, и старикъ схватился за голову.

Къ счастью, на эту сцену пришла казачиха, которая, едва проснувшись, поспѣшила къ Ермолѣ, влекомая любопытствомъ. Увидя положеніе старика, баба расхохоталась, но тотчасъ же принялась за дѣло и словно волшебнымъ способомъ уладила животное. Потому ли, что жидовка привыкла къ женщинамъ, или увидя двухъ противъ себя, поняла что сопротивленіе бесполезно, она смирилась предъ казачихой и позволила спокойно себя выдоить. Старикъ качалъ на рукахъ ребенка.

— А что?—спросила сосѣдка.—Хорошо провели ночь?

— Я не ложился, но дитя спало отлично. Проклятая коза только безпокоила.

— О, съ этой меньше всего будетъ заботы: въ два дня она привыкнетъ. А ребенокъ спалъ?

— Какъ ангелъ: ни одно дитя не умѣетъ такъ спать. И что за умный мальчикъ, кажется, даже начинаетъ меня узнавать.

Ермола очень удивился, когда при этихъ словахъ казачиха разсмѣялась ему въ глаза, и замолчалъ, чувствуя себя какъ-то неловко.

— Не знаю, почему вамъ Богъ не далъ жены и дѣтей.—сказала сосѣдка чрезъ нѣсколько времени. Вамъ родиться бы женщиной.

Не успѣла казачиха договорить послѣдняго слова, какъ надъ дверью послышался громкій голосъ:

— Гей! Ермола, старый трутень, что же ты не выходишь,—я дождаюсь.

Это былъ экономъ Гудный, который, услыхавъ о вчерашнемъ происшествіи, захотѣлъ, проѣздомъ въ поле, самъ удостовѣриться въ истинѣ, чтобы рассказать своей женѣ всѣ подробности. Ермола вздрогнулъ, потому что, по возможности, избѣгалъ этого господина, но, оставивъ дитя на рукахъ сосѣдки, вышелъ поскорѣе изъ хаты. Экономъ сидѣлъ на толстой лошади,

въ сѣромъ сюртукѣ, подбитомъ баранками, въ шапкѣ, надѣтой на-бекрень, въ длинныхъ сапогахъ и съ бичомъ въ рукѣ; по его фizioноміи видно было, что онъ не выѣхалъ на холодъ изъ дома безъ рюмки водки. Это былъ одинъ изъ экономовъ молодого поколѣнія, заступившихъ мѣсто старыхъ вѣрныхъ слугъ прошлаго столѣтія. Усвоивъ всѣ прежніе недостатки своихъ предшественниковъ и обогатившись вновь приобрѣтенными пороками, панъ Гудный по-прежнему называлъ крестьянъ хлопами, держалъ строго, обкрадывалъ безсовѣстно, считалъ за низость быть экономомъ и велѣлъ называть себя паномъ управляющимъ и всѣмъ рассказывалъ, что не замедлить сдѣлаться арендаторомъ. Вмѣстѣ съ женою они самовольно распоряжались въ порученномъ имъ имѣніи, думая только объ одномъ, какъ бы выйти изъ положенія, которое было не по вкусу; оба безъ сердца, надутые спѣсью,—они отличались самой гнусной безнравственностью.

Короткое и круглое лицо пана Гуднаго до того обросло волосами, что видѣлись одни лишь черные, немного скосившіеся глаза, мрачный и пытливый видъ которыхъ давалъ понятіе о его характерѣ.

Ермола поклонился ему до земли.

— Что прикажете, вельможный панъ?

— Что тамъ у тебя такое? Я слышалъ, подкинули ребенка.

— Да. Услыхавъ вчера вечеромъ крикъ подъ дубами, я думалъ, что сова, а то было дитя, вельможный панъ.

— Мальчикъ?

— Красивый мальчикъ.

— А не было-ль чего при немъ, — спросилъ экономъ, пристально всматриваясь въ Ермолу: какаго-нибудь знака, какой-нибудь бумаги, образка? Все это слѣдуетъ отдать въ судъ, да и дитя отвести въ госпиталь.

— Знака?—сказалъ Ермола, поблѣднѣвъ и заломивъ руки: никакого знака не нашлось, только дидя завернуто было въ штучку бѣлаго коленкора вмѣсто пеленокъ... Но я не хотѣлъ бы, вельможный панъ, никому отдавать дитя, которое послано мнѣ Богомъ.

Экономъ разсмѣялся.

— Ха, га, ха! Значитъ что-то кроется. Ребенокъ подкинуть

въ огородъ, а ты хочешь оставить его у себя: можетъ быть слѣдствіе, хлопоты и убытокъ для владѣльца. Неси его къ помощнику или въ судъ, а штуку коленкору отдай моей женѣ, да тотчасъ, слышишь!

Экономъ слѣзъ сошадѣ, отдалъ ее старику, а самъ бросился въ хату. Сильно билось сердце у Ермолы. Онъ боялся взгляда этого человѣка и не смѣлъ оставить лошадъ, а только употреблялъ всѣ усилія поделушать разговоръ эконома съ казачихой. Напряженіе это такъ утомило Ермолу, что, когда вышелъ экономъ изъ хаты, то у старика потъ струился съ головы словно послѣ жаркой бани.

Къ счастью, казачиха какъ-то успѣла привести эконома въ хорошее расположеніе духа, и послѣдній уже не гналъ старика къ становому. Разно говорили о хорошихъ отношеніяхъ эконома къ казачихѣ, но вѣроятно все это — были здѣсь причиной масло и деньги, которыми она покупала свое спокойствіе.

— Тыфу! — проговорилъ Гудный, садясь на лошадъ, — не было печали, черти накачали. Ну, ужъ я самъ дамъ знать помощнику, а тебѣ совѣтую поскорѣе сбыть найденыша. На какого онъ дьявола тебѣ? А, можетъ быть, за тобой водятся грѣшки, старикъ? — прибавилъ онъ, захотѣвъ во все горло,

Ермола, со страха, поцѣловалъ его въ локоть и просилъ съ такимъ трогательнымъ участіемъ за ребенка, что расчувствовалъ бы всякаго другого, но не эконома.

Такимъ образомъ избавился старикъ отъ путешествія во дворъ, которое было для него тяжелымъ вдвойнѣ: во-первыхъ, самое мѣсто наводило на него грустные воспоминанія, а во вторыхъ экономъ съ женою, вѣжливые съ равными, слишкомъ грубо обращались съ простонародьемъ. А между тѣмъ бѣдняку необходимо было цѣлый день заняться разными приготовленіями для ребенка.

Весело встало яркое солнце, словно неся радость и надежду. Движеніе и говоръ начинались на берегу Горыни, а такъ какъ по деревнѣ уже разошлась вѣсть о найденышѣ, то всѣ, кто ни шелъ вблизи Ермолы, заходили посмотрѣть на сироту и послушать разсказъ объ этомъ приключеніи. Казачиха охотно ругала кума, постоянно украшая свое сказаніе и безъ устали повторяя малѣйшія подробности. Между тѣмъ, старикъ выте-

сываль колыбель, для которой, къ счастью, нашлась отличная плетеная корзина, которая, бывъ поставлена на полозья и застлана сѣномъ и разнымъ хламомъ, къ полудню могла уже принять новаго гостя. Конечно, гораздо легче было, по крестьянскому обычаю, привѣсить корзину къ потолку и качать ее ногою, но Ермола боялся за ребенка и, не жалѣя труда, предпочелъ ему устроить низкую колыбель.

Казачиха смѣялась надъ этимъ, но не могла убѣдить сосѣда. Съ окончаніемъ колыбели оказалась надобность переименовать все въ хатѣ, гдѣ столько лѣтъ господствовалъ невозмутимый порядокъ: надо было распорядиться, чтобы ребенку не былъ свѣтъ прямо въ глаза, не дуло отъ двери, не пекло отъ печки. Для козы требовалось въ одномъ углу устроить перегородку съ дверцей, потому что жидовка еще не освоилась, даже не ѣла пицци и оставалась пока на веревкѣ.

Ермола взялъ у казачихи нѣсколько уроковъ относительно ухода за ребенкомъ: разспросилъ до малѣйшихъ подробностей — сколько разъ надобно было купать его, въ какой водѣ, какъ кормить, усыплять и убаюкивать. Привязанность къ мальчику равнялась въ немъ съ ненавистью къ непослушной козѣ, немѣвшей понимать ожидавшаго ее счастья. Старикъ грозно смотрѣлъ на нее, не бывъ въ состояніи довольно наговориться и о достоинствахъ ребенка, и о безнравственности жидовки, о ея глупости, упрямствѣ и гнусныхъ порокахъ, приобретенныхъ въ корчмѣ.

Такимъ образомъ для Ермолы прошло первое утро его отцовской заботливости.

Странно бываетъ иногда предназначеніе человѣка. Напрасно проходятъ его годы, въ ожиданіи одной какой-нибудь минуты, которая даетъ жизнь и движеніе всѣмъ его силамъ: кажется, онъ спалъ все время, чтобы проснуться въ данную минуту. Новое положеніе возбуждаетъ въ немъ невѣдомыя чувства, отвораляетъ сердце, проясняетъ мысли и самую лѣнь превращаетъ въ неусыпную дѣятельность.

Точно то-же случилось съ Ермолой, который ожилъ съ найденнымъ имъ, къ удивленію казачихи и всей деревни, не только усвоилъ себѣ всѣ мелочи ухода за ребенкомъ, но сдѣлался совершенно другимъ человѣкомъ. Онъ слылъ самымъ

равнодушнымъ существомъ въ мірѣ, тихимъ, молчаливымъ; въ обычное время видѣли его на извѣстномъ мѣстѣ, слышали отъ него почти однѣ и тѣ-же рѣчи. Опустивъ голову, опираясь на посохъ, ходилъ онъ ко двору, къ рѣчкѣ, таскалъ себѣ дрова; по-временамъ копался въ огородѣ, воздѣлывая немного табаку и овощей; въ ясные вечера молился иногда на порогѣ и, случалось, по цѣлымъ мѣсяцамъ не ходилъ въ деревню. Въ корчмѣ никогда не показывался и не любилъ посѣщать ни крестьянъ, ни свадебъ, ни похоронъ, а если и приглашали его, то старался какъ можно скорѣе отдѣлаться и уходилъ въ свою трущобу, гдѣ велъ жизнь, покрытую какой-то таинственностью.

Старикъ никуда не ходилъ въ гости кромѣ казачихи, съ которой связывали его прежнія отношенія, о чемъ уже мы упоминали въ началѣ повѣсти. Вообще, о немъ носилась молва какъ о нелюдимѣ, хотя и нельзя было не любить его, познакомаясь съ нимъ ближе: подъ этой черствой наружностью скрывалось золотое сердце, сердце, которое чаще, нежели думаютъ многіе, встрѣчается у нашего простолюдина.

Вопросъ этотъ, разрабатываемый тѣмъ, о комъ идетъ рѣчь, всѣ почти привыкли разрѣшать самымъ неправильнымъ образомъ, приписывая крестьянину болѣе худого, чѣмъ добраго. А, между тѣмъ, нельзя не удивляться сокровищамъ честности и нравственности, которыми одаренъ простолюдинъ, если присмотримся къ обстоятельствамъ, среди которыхъ онъ поставленъ, къ вліянію окружающей среды, къ дурнымъ примѣрамъ, къ его нерѣдко гнетущей нуждѣ и къ совершенному отсутствію моральнаго воспитанія. Принявъ во вниманіе, что въ душу его не заботились вложить никакихъ началъ нравственности, должны извинять ему недостатки, и смотрѣть, какъ на истинное чудо, на его добродѣтели, надо присмотрѣться къ народу, сблизиться съ нимъ, чтобы провѣрить убѣжденія, высказываемыя о немъ людьми, или имѣющими особую цѣль, или увлеченными минутой. Мы обязаны цѣнить въ простолюдинѣ добродѣтель тѣмъ болѣе, что это — самородное золото. Намъ прививаютъ нравственность, вкореняютъ ее съ самаго дѣтства. Намъ легко быть честными, насъ все ведетъ къ этому; мы, наконецъ, ясно сознаемъ обязанность свою, не говоря о собственной пользѣ, самолюбіи, — а всѣ ли мы таковы, какими быть должны? Неу-

дивительно, послѣ этого, что, строго взвѣсивъ всѣ обстоятельства, говорящія противъ насъ, и все, что стоитъ за простонародье, безпристрастный судья найдетъ въ немъ честности больше, чѣмъ въ прочихъ сословіяхъ.

Находясь постоянно съ нашимъ крестьяниномъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ, не колеблясь, признаю его лучшимъ по семейной жизни и инстинктамъ, нежели прочіе классы общества, нежели народъ въ другихъ странахъ Европы, преимущественно на Западѣ. Пересчитаемъ и сравнимъ проступки, и мы удивимся нравственности заброшеннаго народа, черпающаго свои силы для добра лишь въ родномъ воздухѣ и въ крови собственного сердца. Какъ легко можно бы объяснить малѣйшій недостатокъ въ народѣ, если-бы захотѣть быть справедливымъ, и мы, вслѣдъ за реакціей Запада, обошли крестьянина, перенося въ гостиную всѣ добродѣтели. Не спору, есть ихъ много и въ гостиныхъ, но вѣдь насъ учатъ катехизису и указываютъ дорогу: крестьянинъ же ищетъ этого пути только собственнымъ сердцемъ, и мы, по крайней мѣрѣ, должны бы отдать ему хоть эту справедливость.

Ермола былъ именно однимъ изъ тѣхъ людей, одаренныхъ дивнымъ инстинктомъ добра, въ которомъ дворовая жизнь не убила врожденныхъ благородныхъ стремленій, лакейская выправка не иссушила сердца, а чувство не охладило годы. Я иначе не могу назвать этого, какъ инстинктомъ, и охотно допустилъ бы въ психологіи рядомъ съ животнымъ, эгонистическимъ, разрушительнымъ инстинктомъ другой—благороднѣйшій, противоположный ему, который часто возводитъ до высшей степени добродѣтели самые жалкіе индивидуумы. Одаренный подобнымъ дивнымъ стремленіемъ, человекъ идетъ вопреки собственнымъ интересамъ и слушается сердца, въ которомъ, вмѣсто крови и страстей, живетъ и бьется необходимость и предчувствіе усовершенствованія. Ермола никогда не жаловался на другую жизнь, не проклиналъ прошедшаго, не пенялъ на людей; довольствуясь малымъ, онъ молчалъ и терпѣлъ, слѣпо вѣруя въ Провидѣніе. Какъ ни были малы его средства, но онъ никому не отказывалъ въ помощи. Объ этомъ извѣстно было въ деревнѣ, и къ нему шелъ знакомый и незнакомый, кто нуждался въ парѣ рукъ и участіи—средства, которыя

только и могъ предложить старый Ермола нуждавшимся. Умѣлъ онъ посидѣть при больномъ, сжать бѣдной вдовѣ перестоявшуюся рожь, присмотрѣть за дѣтьми, когда взрослые выходили въ поле, подать совѣтъ въ случаѣ какой-нибудь несносной болѣзни. И Ермолу приглашали тѣмъ охотнѣе, что водки онъ не пилъ и терпѣть не могъ, а за услуги никогда не требовалъ платы. Въ народѣ существуетъ обычай—вознаградить за малѣйшую нужную услугу, и отказъ отъ подарка считается нѣкотораго рода оскорбленіемъ. Давали кое-что и Ермолѣ—и онъ бралъ изъ боязни огорчить сосѣдей, но довольствовался самымъ малымъ количествомъ какихъ-нибудь съѣстныхъ припасовъ. Старикъ, впрочемъ, никогда не сердился, если кто, воспользовавшись его услугами, позабывалъ о нихъ впослѣдствіи. Онъ не жаловался и не называлъ этого неблагодарностью, зная, какъ мало у крестьянина минутъ для сердечныхъ изліяній, что дѣлаетъ онъ это не по недостатку желанія, но за неимѣніемъ времени и возможности, а кажушееся равнодушіе чаще бываетъ слѣдствіемъ случайности. Чтобы не удивляться этому, надо знать крестьянскій бытъ, видѣть тягость работы и разсчитать—сколько остается времени собственно только для отдыха. Превосходя лишь однимъ сердцемъ своихъ собратьевъ, Ермола, тѣмъ не менѣе, былъ истый селянинъ, сохраняя ихъ вкусы, привычки, обычаи и предрасудки.

На другой день послѣ описаннаго происшествія въ цѣлой Попельнѣ только и было рѣчи что о ребенкѣ, найденномъ подъ дубомъ, о Ермолѣ и о козѣ, купленной у Шмуля, чѣмъ въ особенности хвастался Ѳедько, также какъ и исторической своей пѣглой кобылой. Тысячи догадокъ носились о подкинутомъ ребенкѣ—обстоятельствъ неслыханномъ въ самыхъ старинныхъ преданіяхъ деревни. Событія этого, конечно, никто не могъ приписать крестьянамъ, потому что оно не было въ ихъ правахъ, а подозрѣвали какую-нибудь таинственную особу изъ высшаго сословія. Подозрѣнія падали на разныхъ ближнихъ и дальнихъ сосѣдей, но и рушились сами собою, не имѣя ни малѣйшаго основанія. Каждый старался припомнить малѣйшія подробности вчерашняго дня и вечера, но, къ несчастью, ловко были скрыты слѣды того, кто привезъ и бросилъ подъ дубами ребенка. Кто то видѣлъ подъ вечеръ повозку, быстро-мчавшу-

юся къ Малышкамъ, но оказалось, что это былъ писарь — обожатель казачки Горпины; другой припоминалъ о всадникѣ на берегу Горыни съ чѣмъ-то бѣлымъ подъ мышкой, но всѣ тотчасъ узнали эконома съ бѣлымъ шарфомъ, которымъ обвязывалъ онъ шею въ холодное время. Марыся-шинкарка подумывала на полѣшуба, который спалъ въ шинкѣ на лавкѣ и вышелъ съ первыми пѣтухами, но могъ ли виновный спать такъ спокойно?

Въ корчмѣ, въ полѣ, на пристани всѣ разсуждали о подкидышѣ, но никто ничего не зналъ основательно и только дивились Ермолѣ, смѣялись надъ нимъ и пожимали плечами.

Между тѣмъ, казачиха приготовила купанье для ребенка, и когда, развернувъ коленкоръ, который должно было отослать экономшѣ, она ближе присмотрѣлась къ ребенку, то сама начала раздѣлять мнѣніе Ермола, что, дитя панскаго происхожденія. Признака не нашлось никакого, но на шеѣ, на шолковомъ шнуркѣ, былъ привѣшенъ бронзовый образокъ, который, принявъ за золотой, старикъ спряталъ въ свою сокровищницу. По этому поводу возникъ вопросъ, крестить ли ребенка, и мнѣніе сосѣдки превозмогло, что, на всякій случай окрестить гораздо вѣрнѣе. Въ тотъ-же вечеръ понесли его къ священнику, и мальчикъ названъ былъ Родіономъ. Ермола плакалъ отъ радости, что Богъ далъ ему сына, и носился постоянно съ ребенкомъ.

Первый разъ въ жизни подпилъ старикъ на крестинахъ, подпоилъ Оедько и казачиху, которую расцѣловалъ, подшучивалъ и погрозилъ кулакомъ козѣ, которая какъ-то мрачно посматривала на всю эту исторію.

— Слушай, проклятая жидовка, — сказалъ онъ, остановясь противъ нея съ приподнятою рукою, — слушай, бородатая бестія, и помни: если не будешь для моего мальчишки хорошей мамкой, я найду другую, а тебя тупымъ ножомъ зарѣжу.

Коза, топнувъ ногами, замотала головою, а присутствовавшіе разразились громкимъ смѣхомъ.

Таково-то было начало, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ермола такъ освоился съ новымъ положеніемъ, что ему не могли довольно надивиться. Для всей деревни было утѣше-

ніемъ, когда старикъ выходилъ съ ребенкомъ въ поле или на берегъ: его всегда окружали и ласкали маленькаго найденыша.

Даже старая коза, обнаружившая столько характера въ первые дни по разлукѣ со Шмулемъ, мало по малу привыкла и привязалась къ Ермолѣ до такой степени, что не отходила отъ него. Сперва уходила она въ корчму, и однажды Шмуль рѣшился-было зарѣзать ее въ-тихомолку, но Ермола, угадавшій катастрофу, оставилъ дитя у казачихи и, собравъ сосѣдей, отправился въ корчму выручать кормилицу. Козу отыскали въ сарайчикѣ за соломой и такой нагнали страхъ на Шмуля, что онъ уже не рѣшался болѣе нападать на старика, а жадность не прошла ему даромъ, потому что онъ долженъ былъ попотчивать крестьянъ, чтобы избавиться отъ шума, затѣяннаго Ермолою.

Коза, со своей стороны, довольствуясь достаточнымъ кормомъ, привязалась и къ новому мѣсту, и къ хозяину и скоро сдѣлалась самымъ ручнымъ и кроткимъ животнымъ.

Между тѣмъ, здоровый и красивый мальчикъ развивался быстро, какъ обыкновенно развиваются сироты. У кого Богъ отыметъ мать, тому самъ-же онъ и посылаетъ силы, необходимыя для жизни. Дѣйствительно, Родіона можно было назвать не совсѣмъ обыкновеннымъ ребенкомъ, а Ермола видѣлъ въ немъ небывалыя достоинства. Казачиха смѣялась надъ нимъ, но это лишь гнѣвило его, и онъ, раздосадованный, уносилъ мальчика отъ сосѣдки. Последняя тоже любила приемыша, который наполовину и ей былъ обязанъ, потому что безъ ея помощи не управиться бы съ ребенкомъ. Впрочемъ, вся деревня взяла сиротку подъ свое покровительство.

Исполняя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ заботы няньки, Ермола имѣлъ время подумать о будущемъ и не разъ громко высказывалъ свои предположенія относительно козы и приемыша. Онъ не желалъ оставить сына земледѣльцемъ, а придумывалъ что-нибудь лучшее, но выборъ состоянія казался ему необыкновенно труднымъ. Мечталъ онъ, сдѣлать его дворяниномъ, купить деревню, однако скоро бросилъ несбыточные мечтанія и принялся обдумывать вещи болѣе возможные. Перебирая въ умѣ разные занятія и ремесла, онъ въ каждомъ находилъ какіе-нибудь недостатки: сапожникъ долженъ си-

дѣтъ сторбившись на одномъ мѣстѣ, столяръ стоять цѣлый день на ногахъ, кузнецъ быть постоянно у огня, каменщикъ таскать кирпичи и лазить по лѣстницамъ, — все это не нравилось Ермолѣ.

Прежде всего старикъ рѣшилъ выучить пріемыша грамотѣ. Но тутъ встрѣтилось одно важное обстоятельство. Мальчикъ раньше шести или семи лѣтъ не могъ приняться за науку: единственный мудрецъ въ деревнѣ, дьячокъ былъ очень старъ, будущій же преемникъ его — неизвѣстно съ какими могъ быть способностями, и вотъ старикъ рѣшился выучиться самому грамотѣ у дьячка, чтобы потомъ безъ чужой помощи посвятить сына въ таинство азбуки. Съ этой цѣлью купилъ онъ у бродячаго разнощика азбуку и началъ ходить ежедневно съ ребенкомъ и козой на другой конецъ деревни на лекцію къ старому Андрею Прохоровичу. Надо было видѣть, какъ пыхтѣлъ и трудился бѣдняга, держа въ одной рукѣ дитя, а въ другой указку. Но его утѣшала мысль, что нетерпѣливый дьячокъ не примется за Родіона, а онъ очень хорошо видѣлъ, какимъ мученіямъ подвергся бы мальчикъ, если бы Андрей Прохоровичъ взялъ его въ свои руки. Старикъ же былъ увѣренъ, что безъ труда передастъ свои познанія пріемышу.

Не легко въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ въ первый разъ знакомиться съ азбукой и высидѣть надъ ней нѣсколько часовъ и насиловать непривыкшіе глаза къ распознаванію мелкихъ литеръ — такое мученіе, для котораго нужны необыкновенная сила воли и энергіи. Трудно было Ермолѣ, но, рѣшась одинъ разъ, онъ добился своего и выучился грамотѣ. Къ счастью зрѣніе его было еще довольно хорошо, и дѣло пошло лучше, чѣмъ предполагалъ дьячокъ, который взялъ за науку рубль серебромъ и кусокъ полотна, хранившійся издавна у Ермолы.

За ребенкомъ старикъ ухаживалъ съ такимъ искусствомъ, словно не впервые уже занимался этимъ дѣломъ. Колыбель стояла возлѣ его постели, и тутъ-же въ углу помѣщалась коза-кормилица; не успѣвалъ ребенокъ проснуться, какъ уже отецъ былъ на ногахъ и какимъ-нибудь способомъ убавлялъ пріемыша. Спалъ онъ немного, а днемъ, взявъ Родіона на руки, ходилъ съ нимъ или на берегъ, или въ рощу.

или въ поле, а иногда спѣлѣ на порогѣ своей хаты. Сначала, пока народъ не привыкѣ, многіе смѣялись надъ дѣдомъ, который ежеминутно носился съ ребенкомъ, но потомъ всѣ привязались къ сироткѣ и невольно стали уважать названнаго отца, а по праздникамъ собиралась порядочная толпа къ разрушенной корчмѣ поболтать съ Ермолой и полюбоваться подкидышемъ. Старикъ былъ очень радъ, если находилъ слушателей, которымъ могъ бы расхваливать сына, и столько наговаривалъ о немъ, что вся деревня ожидала отъ ребенка чего нибудь необыкновеннаго.

Но удивительнѣе всего была перемѣна съ Ермолою: онъ видимо помолодѣлъ, выпрямился, лицо выполнилось и помолодѣло. Нестолько изнуряли его лишенія, бессонница и постоянный трудъ, сколько подкрѣпляла надежда; жизнь его наполнилась и, можно сказать, началась съизнова. Но не такъ оно было легко, и доставляло не одни лишь удовольствія, какъ могло казаться съ перваго раза; ребенокъ, принесъ съ собой значительнѣйшія издержки, принуждалъ его къ усиленному труду для добыванія насущнаго хлѣба не на одинъ уже день, но и въ запасъ на будущее. Подобнаго рода бѣдники весьма мало издерживаютъ для своего пропитанія. Ермола перébывался кое-какъ, по крайней мѣрѣ, не изнуряя себя и не терпя голода, пока не послала ему судьба приемыша. Собственно говоря, у него не было никакого капитала, но онъ не просилъ милостыни, а еще регулярно платилъ трехрублевый чиншъ и существовалъ кое-какъ. Ермола ничего не накопилъ во время долгой дворовой службы, исключая нѣсколькихъ кусковъ полотна—плодовъ бережливости, можетъ быть, около двадцати рублей деньгами, и немного старой рухляди. Заплативъ впередъ подать, онъ не нуждался пока въ насущномъ хлѣбѣ, но должно было трудиться, иначе скоро истощился бы скудный запасъ, а помощи ниоткуда уже ожидать не приходилось. Правда, Ермола издерживалъ на себя очень мало: его кормили въ деревнѣ, да и казачиха никогда не требовала отработки, одежда какъ-то служила благополучно, но все же надо было платить ежегодно чиншъ и извлекать его изъ небольшого огорода, составлявшаго весь доходъ его. Мѣсто, обнесенное жердями возлѣ старой корчмы, величиною не превосхо-

дило обыкновеннаго крестьянскаго огорода, только и было плодородно, что ближе къ строенію, а дальше — къ дубамъ и соснамъ земля истощалась корнями большихъ деревьевъ. Ермола сѣялъ табакъ на мѣстѣ прежняго сарая, гдѣ земля была навозная, дальше картофель, немного капусты, свеклы и другихъ овощей. Иной годъ выдавался такой благодатный, что, удовлетворивъ свои нужды, Ермола выручалъ изъ огорода и три рубля для уплаты чинша, но случались годы, что надо было зарабатывать эти деньги. Рѣка и лѣсъ, въ такомъ случаѣ, служатъ большимъ пособіемъ для крестьянина, а въ Попельнѣ не запрещалось ни то, ни другое, и всѣ пользовались ими. Пока Ермола былъ одинъ, ѣзжалъ иногда на рыбную ловлю, съ успѣхомъ работалъ ночь острогой, ставилъ верши, а уловъ свой продавалъ сосѣдямъ или въ мѣстечко. Кромѣ того, онъ собиралъ и сушилъ грибы — продуктъ, приносящій съ нѣкоторыхъ поръ, порядочный заработокъ. Но съ Родіономъ на рукахъ, оба эти занятія сдѣлались невозможными: дитя не позволяло ни проводить ночи на лодкѣ, ни бродить весь день по лѣсу. Между тѣмъ, издержки росли, запасныя деньги истощились тотчасъ-же на покупку козы и другихъ мелочей, и Ермолѣ надо было подумать о средствахъ существованія. Прежде онъ работалъ въ полѣ сосѣдямъ и убогимъ даромъ, теперь рѣшился наниматься. И вотъ, подобно какой-нибудь бабѣ, отправлялся онъ въ поле на работу съ ребенкомъ, козой, большимъ рядомъ и тремя тычинами. Поставивъ колыбельку на межу подъ наметомъ и надзоромъ козы, онъ принимался жать, косить или вязать снопы. Зарабатывалъ онъ иногда, такимъ образомъ, кромѣ харчей, копѣекъ десять ежедневно, потому что въ Полѣсьѣ рѣдкій работникъ получалъ дороже. Три дня было работать, чтобы добыть два злота (30 к.) и работать усердно, какъ напримѣръ, нажать копну жита и связать снопы, которые въ Полѣсьѣ и тяжелы, и объемисты, хотя и собираютъ ихъ и одному колосочку.

Часто, возвратясь въ свою хату съ далекаго поля и принеся ребенка съ колыбелью, отъ бремени лѣтъ и тягости отцѣлаго дня, старикъ чувствовалъ изнеможеніе и слабость; и взглядъ на улыбавшагося Родіона подкрѣплялъ его снова,

ночной отдыхъ придавалъ силъ на завтра. И надо сказать правду, что старикъ никогда такъ не заботился и не трудился такъ дѣятельно и безъ усталости: люди смотрѣли на него съ невольнымъ уваженіемъ, которое возбуждалъ онъ постоянствомъ и молчаніемъ. Не смѣя коснуться золота, найденнаго съ ребенкомъ, хотя пришлось бы умирать съ голоду, золота, которое считалъ онъ сиротскимъ достояніемъ, старикъ принужденъ былъ удваивать дѣятельность, потому что съ каждымъ днемъ увеличивались потребности, а огородъ не могъ уже одинъ удовлетворять всѣмъ расходамъ. На огородѣ удавалось ему работать по утрамъ и вечерамъ лишь урывками, а на весь день занимался къ кому-нибудь изъ сосѣдей.

Но сердце всегда не можетъ не доказать чуда тамъ, куда пошлетъ хоть одинъ лучъ чувства: это всемогущій талисманъ, безъ котораго трудно каждое дѣло, а съ нимъ нигдѣ нѣтъ опасности.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ полевые работы удовлетворяли какъ-то Ермолу, мальчишка подросталъ, а заботки оказывались плохи; притомъ-же дѣячекъ взялъ рубль за науку, которая отняла много времени, а издержки увеличивались. Грустно однажды вечеромъ старикъ пошелъ къ казачихъ, съ которой привыкъ совѣтоваться. Его приняли по обычаю: Горпина съ улыбкой и радостнымъ восклицаніемъ, беря у Ермолы ребенка и забавляя, кормя, убаюкивая его; привѣтъ казачихи не отличался веселостью, но былъ искрененъ. Никому не мѣшая, не надѣдая, старикъ, напротивъ, оказывалъ еще услуги: стоило казачихъ попотчивать его чѣмъ-нибудь, онъ уже считалъ себя обязаннымъ, несмотря на усталость, пойти за водой и нарубить дровъ, замѣняя пьянаго Федора, который по вечерамъ любилъ сиживать въ корчмѣ, откуда его трудно было выманить и калачомъ.

Возилась сосѣдка съ этимъ Федоромъ, но такъ какъ въ деревнѣ трудно было нанять работника, потому что всѣ, кто только могъ владѣть топоромъ, отправлялись въ лѣсъ для рубки бревенъ, то приходилось ей терпѣть пьяницу, который не напасъ и не досмотрѣлъ бы скота, если-бы по-временамъ не былъ трезвъ. Федоръ представлялъ собою двухъ человѣкъ: съ утра, пока еще трезвый, онъ былъ тихъ, послушенъ, тру-

долюбивъ и часто придумывалъ вещи, о которыхъ хозяйкѣ и въ голову не приходило; вечеромъ же, по возвращеніи съ поля и загнавъ скотъ въ загородку, хоть и божился, что не поидетъ въ корчму, однако исчезалъ, усаживался за столомъ у Марыси-шинкарки, пилъ и предавался всевозможнымъ дурачествамъ. Шапка на-бекрень и самъ, подбоченясь, онъ болталъ, шумѣлъ, грозилъ своей хозяйкѣ, пѣлъ, танцевалъ и принималъ такую гордую осанку, словно въ немъ сидѣлъ самъ воевода. Возвратясь домой, онъ обыкновенно шелъ къ хозяйкѣ поблагодарить за службу и потребовать разсчета, и затѣмъ съ пѣсенкой отправлялся спать; но чѣмъ болѣе кричалъ съ вечера, чѣмъ сильнѣе грозилъ хозяйкѣ, тѣмъ на другой день бывалъ тише, услужливѣе, стараясь предупредительностью загладить свой проступокъ. Они разставались уже нѣсколько разъ: то Федоръ требовалъ разсчета, то казачиха сама прогоняла его, но какъ другого нельзя было до-
стать въ деревнѣ, да и Федоръ привыкъ уже къ семейству вдовы, то постоянно, послѣ вечерняго шума и ссоры, утромъ заключалось перемиріе.

Привывъ во вниманіе подобныя привычки Федора, вдовы очень пріятны были вечернія посѣщенія Ермолы; во первыхъ онъ помогалъ по хозяйству, во вторыхъ, ей было предъ кѣмъ упрекать или проклинать пьяницу. Горпина тоже ожидала прихода старика, потому что любила его пріемыша.

Итакъ, однажды вечеромъ, возвратясь поздно съ поля послѣ тяжелой работы, Ермола пошелъ къ казачихѣ. Тотчасъ же на порогѣ Горпина взяла у него мальчишку, съ которой начала бѣгать по хатѣ, напѣвая дѣтскую пѣсенку, а старикъ усѣвшись на лавкѣ противъ огня, задумался. Болѣла у него голова отъ зною, спина отъ нагибанья, а руки отъ сер-
хоты онъ и старательно обвилъ тряпочкой рукоятку.

Временная эта слабость поразила его; но онъ горевалъ не о себѣ, а о будущемъ пріемыша. Старикъ началъ вздыхать такъ тяжело, что вызвалъ участіе казачихи, которая возилась около горшковъ и поняла отчаяніе сосѣда.

— А помнишь, старикъ, когда ты бралъ спротку, я сорила тебѣ, что не совладаешь! Не правда-ли, тебѣ тяжело поминутно вздыхаешь...

— Охъ, тяжело, милая кума, тяжело! Вижу теперь, что мнѣ не двадцать лѣтъ; вотъ воротился съ поля и хотъ полѣзай въ могилу: такъ наморился. Но дѣлать нечего, надо трудиться, иначе умрешь съ голоду. Надобно и чиншъ платить, не то Гудный выгонитъ и изъ моей трущобы, надобно питаться, да еще подумывать и о сироткѣ. Сегодня, на примѣръ, не заработалъ и десяти копѣекъ, а спина словно переломана.

— А я развѣ не всегда вамъ говорила, что слѣдуетъ подумать объ иныхъ заработкахъ. Вы цѣлый вѣкъ провели на стулѣ въ буфетѣ, что это за тяжелая работа! А теперь захотѣлось ходить въ поле съ косою и серпомъ, какъ тотъ, кто привыкъ къ нимъ съ дѣтства. Почему не придумать иного какого-нибудь дѣла?

— Да я ничего не умѣю.

— Да вѣдь вы и читать не умѣли, а теперь, говорите, научились. Можетъ быть, и еще чемунибудь могли бы научиться у людей.

— Вы думаете?

— Отчего же нѣтъ?

— Чему же, на примѣръ?—спросилъ Ермола.

— Да развѣ я знаю; могли бы научиться какому-нибудь ремеслу. Вы опытни, много насмотрѣлись и наслушались на своемъ вѣку, вамъ легче далась бы наука, чѣмъ иному молодососу.

Ермола покачалъ головою.

— Хотя я иногда и чиню себѣ сапоги, но не люблю сапожнаго мастерства,—сказалъ старикъ.— Портныхъ къ намъ довольно ходить изъ Колковъ, была бы работа, а мнѣ никто не далъ бы сукна изъ боязни, чтобъ я не испортилъ; шубниковъ у насъ три...

— А порядочнаго твача нѣтъ ни одного; отдашь кому-нибудь основу—украдетъ, понесешь къ другому—не дождешься въ три года, заложить гдѣ-нибудь въ корчмѣ, дашь муки на подклейку—снесетъ въ шинокъ. Однимъ словомъ, некому отдать выткать, хотъ плата за работу и порядочная. Вы, кумъ, скоро бы выучились.

— А станокъ? Гдѣ же мнѣ его поставить? Хата маленькая, коза и колыбель занимаютъ много мѣста, нѣтъ возмож-

ности. Если хотите посовѣтовать, совѣтуйте что-нибудь другое.

— Больше всего было бы мнѣ по сердцу, если-бы вы сдѣлались ткачомъ; рѣшительно некому отдать пряжи, такъ и ветшаетъ въ кладовой.

Ермола повеселѣлъ немного, но тотчасъ же и вздохнулъ глубоко.

— Э! Посовѣтуйте что-нибудь другое, кумушка.

— Знаете что, — сказала Горпина, — я посовѣтовала бы чѣмъ вамъ заняться. Вѣдь вы не разъ говаривали, что во дворѣ, въ свободное время, игравали на скрипкѣ.

— Правда, иногда по цѣлымъ вечерамъ.

— Ну, вотъ и сдѣлайтесь музыкантомъ.

— Тыфу! Что это тебѣ, Горпина, пришло въ голову, — воскликнулъ старикъ, плюнувъ съ досады? — Гдѣ же мнѣ таскаться съ ребенкомъ по корчмамъ и по свадьбамъ!

— Мнѣ такъ кажется... Ребенка вы могли бы оставлять у насъ.

Старикъ разсмѣялся.

Въ это время горшки, которые разставляла въ печкѣ казачиха, какъ-то нечаянно столкнулись, и одинъ изъ нихъ, вѣроятно еще прежде поврежденный, въ одну секунду развалился на части; горячая вода брызнула на угли и полилась подъ ноги уходившей казачихѣ.

Произошла ужасная суматоха: отдавъ дитя старику, Горпина поспѣшила на помощь къ матери; вдова начала ругаться; служанка начала ломать руки, вполонину сваренный картофель разсыпался по полу, а собака, лежавшая на порогѣ, зелилась громкимъ лаемъ съ испугу.

Черезъ нѣсколько минутъ въ хатѣ понемногу успокоилось, потому что пострадалъ одинъ лишь горшокъ; горячая вода сбѣжала прямо на землю, картофель собрали дѣвушки, а хозяйка, накричавшись вдоволь, уѣхала на лавкѣ перевести духъ.

Но, когда снова пришлось варить картофель и освидѣтельствовали горшки, то оказалось, что въ запасѣ не было уже такой величины, какъ разбитый, и надобно было замѣнить его двумя поменьше.

— О, это былъ рѣдкостный горшокъ! — начала надгробное

слово хозяйка. — Помню, купила его въ Яновкѣ на ярмаркѣ, бѣлый былъ какъ молоко и крѣпости такой, что хоть бей орѣхи. Мы съ пьянымъ Ѳедоромъ возвращались домой ночью. Возлѣ Малычекъ онъ опрокинулъ повозку, изъ которой вывалилась я и всѣ покупки, а было пять горшковъ и рѣшето. „А, чтобъ тебя черти побрали съ твоей водкой!“ подумала я и начала подбирать ощупью. Рѣшето погибло, потому что попало подъ колеса. Два горшка разбились въ-дребезги, а этотъ бѣднякъ откатился за нѣсколько сажень. Я къ нему? Представьте себѣ, — невредимъ? Не хотѣла даже вѣрить собственнымъ глазамъ. Два года прослужилъ покойникъ вѣрой и правдой, и теперь уже не достану другого такого! Вотъ чѣмъ худо, — у насъ нѣтъ гончаровъ совершенно. Надо ожидать, пока кто-нибудь изъ нихъ заглянетъ, а такъ какъ у насъ дороги опасны, товаръ ломкій, то и рѣдко они заѣзжаютъ. Я уже и не говорю, что за все дерутъ безъ жалости. Прокопъ же въ Малычкахъ дѣлаетъ синіе горшки и такіе непрочные, что развѣ годятся на золу. Должно быть, онъ возитъ ихъ куда нибудь далеко, потому что мы ихъ здѣсь знаемъ, но никто не покупаетъ. А вотъ что, кумъ! — воскликнула старуха, оборотаясь съ живостью, — не сдѣлаться ли вамъ гончаромъ? И честное, покойное ремесло, да и работа не тяжелая.

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказалъ Ермола, покачавъ головою. — А гдѣ же научиться-то? А развѣ у насъ есть хорошая глина? А кто поставитъ печку? Наконецъ, если-бы все это сдѣлалось, нужны еще лошадь и повозка, чтобы шлаться по свѣту съ товаромъ. А сохрани Богъ, опротивеешь...

— Что это съ тобою сегодня, Ермола? — Все не по тебѣ, все трудно. А я тебѣ говорю, не боги же вѣдь горшки обжигали.

Всѣ засмѣялись; старикъ задумался. Такимъ образомъ прошелъ вечеръ у казачихи, но для Ермолы не безъ послѣдствій: хотя послѣдній ни на что не рѣшился, однако, по возвращеніи домой, началъ серьезно обдумывать и нѣсколько успокоился.

„Вѣдь, если я научился читать“, подумалъ онъ, „а это одна изъ труднѣйшихъ вещей на свѣтѣ, то могъ бы я на-

учиться и какому-нибудь ремеслу. Правда, я старъ, но неужели только и дѣлаютъ все молодые! Посмотримъ“!

На другой день, оставивъ Родіона у Горпины, старикъ отправился подъ какимъ-то предлогомъ въ Малычки. Въ головѣ у него что-то роилось.

IV.

Сосѣдняя деревня Малычки лежала въ пескахъ, окруженная лѣсами, болотами, торфомъ и самой неплодородной почвой, но была богата, благодаря промышленности жителей, которые преимущественно состояли изъ ремесленниковъ. Крестьяне принуждены были покупать хлѣбъ, потому что земледѣліе доставляло выгоды—одну лишь солому, слѣдовательно, надо было подумать о другихъ способахъ къ существованію. Они жгли уголь, продавали кору, гнули ободья, приготовляли разные хозяйственные принадлежности, много было столяровъ, бочаровъ, ткачей, занимавшихся выдѣлкою суконъ и красныхъ поясовъ, а одинъ даже былъ гончаромъ. Послѣдній, однако, не особенно благоденствовалъ; нельзя сказать, чтобы онъ не имѣлъ барыша, но никто не хвалилъ его произведеній. Вообще, гончары рѣдко заводятся тамъ, гдѣ издавна не было гончарства въ заводѣ; по большей части содержаніе гончарныхъ печей переходитъ отъ отца къ сыну по наслѣдству. Вѣроятно, такъ было еще въ доисторическое время, когда ремесленники этого рода были нужны для приготовленія священныхъ сосудовъ, лучше различали качество глины, лучше умѣли обжигать, удобнѣе избирали мѣста, да и самое ремесло имѣло лучшія преданія. Нынче рѣдко кто рѣшится заложить новую печь, и теперешніе горшки выдѣлываются тамъ же, гдѣ лѣпились и вытачивались драгоценныя зольницы, изъ той-же глины, которая доставляла предкамъ гробовую утварь.

Послѣдній представитель малычковскаго гончарнаго искусства упалъ очень низко: пьянствовалъ, шился, не заботился о глинѣ и лѣпилъ прескверно. Горшки его были черные, безъ

звука и такъ непрочно, что въ деревнѣ ихъ не покупали, развѣ уже въ крайней необходимости. А, между тѣмъ, все-таки товаръ шелъ, и старый Прокопъ считался достаточнымъ человѣкомъ и ни въ чемъ себѣ не отказывалъ: ѣлъ сало, попивалъ водку, тулупъ носилъ вышитый, съ сѣрымъ воротникомъ, черная баранья шапка его была высока, словно у шляхтича. Единственную дочь свою онъ выдалъ за лучшаго хозяина, которая получила такое приданое, что люди не хотѣли вѣрить: лошадей, скотъ, три сундука одежды и полную шапку цѣлковыхъ. Все это зналъ Ермола, потому что и прежде, и теперь, какъ владѣлецъ попелянскій съ малычевскимъ, такъ и деревня съ деревней имѣли постоянныя сношенія. Мысль казачихи не выходила изъ головы Ермолы. Но онъ не захотѣлъ ее высказать сразу, боясь насмѣшекъ, а, подобно всѣмъ крестьянамъ, нашелъ какой-то предлогъ и зашелъ во дворъ малычковского владѣльца.

Послѣдній, Фелиціанъ Дружино, жилъ давно уже въ Малычкахъ и былъ нѣкогда большимъ пріятелемъ попелянскаго помѣщика, почти дряхлый старикъ, ротмистръ еще походной кавалеріи. Имѣвъ прежде хорошее состояніе, изъ котораго, во время смутъ, уцѣлѣла одна небольшая деревенька, ротмистръ долго блуждалъ по свѣту, возвратясь потомъ на Полѣсье, поселился въ бѣдномъ уголкѣ, женился, овдовѣлъ, ослѣпъ и, захворавши такъ, что слегъ въ постель, просилъ только смерти, которая, однако же, не исполнила его просьбы.

Домъ въ Малычкахъ, нѣкогда резиденція значительнаго помѣщика, былъ огромный, ветхій, темный, съ подстриженнымъ садомъ, съ часовней и, оставаясь въ такомъ-же видѣ, какъ построили его родители ротмистра; но все это уже приходило въ негодность, потому что трудно было всѣ затѣи поддерживать изъ доходовъ одной деревеньки. Жизнь старика была особеннаго свойства. Такъ ли онъ родился, люди ли его переиначили, болѣзнь ли испортила, только подъ старость онъ сдѣлался несноснымъ человѣкомъ. При немъ находились безотлучно его сынъ, лѣтъ тридцати, и бѣдная родственница, воспитанница покойной жены, осужденные на мученіе и невыносимые капризы ротмистра. Несмотря на слѣпоту и болѣзненность, онъ много еще сохранилъ бодрости духа, такъ

что все управленіе домо́мъ и имѣніемъ оставлялъ за собою. Съ сыномъ обращался, какъ съ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, съ воспитанницей, какъ съ горничной, а прислугу держалъ, какъ говорится, въ ежовыхъ рукавицахъ. Ключи приносили ему ежедневно подъ подушку, и за малѣйшій проступокъ онъ никогда не назначалъ менѣе 50 ударовъ несовершеннолѣтнимъ, а взрослымъ давалъ по сотнѣ. Всѣ должны были ходить передъ нимъ по стрункѣ и отдавать отчетъ въ каждой бездѣлицѣ. Больной, мучась отъ слѣпоты и отъ бездѣйствія, онъ искалъ развлеченія въ занятіяхъ хозяйствомъ, и находилъ удовольствіе мучить своихъ близкихъ. Все окружающее его служило только ему; жить же для себя, — никто не имѣлъ права. Шпіонство, организованное въ большихъ размѣрахъ, вошло въ обычай, и вѣчно несчастный домъ этотъ былъ полонъ ссоръ и неудовольствій; шпіоновъ не избѣгалъ никто, даже сынъ старика, словно крѣпостной, сидѣвшій постоянно у постели больного и утратившій охоту къ жизни.

Между тѣмъ, такой деспотъ въ домѣ, ротмистръ, постоянно казался пріятнѣйшимъ въ мірѣ человекомъ: дѣйствительно, онъ былъ не таковъ съ чужими, каковъ со своей семьей и домашними. Необыкновенно радушный съ гостями, услужливый съ сосѣдями, сострадательный къ бѣднымъ, онъ говорилъ пріятно, шутилъ, острилъ, и кто не зналъ его близко, тотъ едва могъ подозрѣвать въ старомъ служакѣ подобнаго тирана. Конечно, много вліяли на его характеръ и тяжкая болѣзнь, и мучительная слѣпота, и безсонныя ночи, а сердце видно осталось не очень поврежденнымъ, хотя онъ и не дѣлился имъ со своими, вслѣдствіе какой-то странной систематической суровости. Преувеличенное понятіе о военной дисциплинѣ и о необходимости желѣзной руки въ управленіи домо́мъ и имѣніемъ были причиной вкорененія подобнаго деспотизма ротмистра. Сынъ Янъ и бѣдная родственница Марія проводили у постели больного цѣлые дни, которые казались бы облитыми желчью, если-бы два эти существа не находили улады во взаимной привязанности. Догадался объ этомъ ротмистръ, самъ даже вызвалъ на признаніе, но, воспользовавшись этимъ, запретилъ думать обоимъ о бракѣ, гро-

зя, въ противномъ случаѣ, проклятіемъ. Такимъ образомъ оставилъ онъ ихъ при себѣ, не разлучая, но приказалъ ихъ сердцамъ затвориться другъ для друга,—слово его всевластно, и ничто не имѣло права противиться его волѣ. Молодежь умолкала и продолжала исполнять тяжелую обязанность, тая свою любовь отъ ротмистра.

День и ночь надо было оставаться при больномъ, который, лежа съ опухшими ногами въ постели или сидя на креслѣ, которое выносили въ другую комнату, всегда требовалъ, чтобы сынъ или Марія находились при немъ безотлучно. Засыпалъ обыкновенно ротмистръ въ 10 часовъ, а въ полночь уже просыпался, пилъ кофе, дремалъ немного на разсвѣтѣ, а потомъ уже занимался чѣмъ-нибудь, призывая къ постели домочадцевъ: уснувъ немного послѣ обѣда, онъ слушалъ разныя донесенія и дворовыя сплетни. Несмотря, однакоже, на калѣчество, болѣзнь и мученія, ротмистръ не берегъ себя ни мало: пилъ водку нѣсколько разъ въ день, ѣлъ за четверыхъ, и никакія убѣжденія доктора не могли отучить его отъ подобнаго образа жизни.

У кресла его или постели разсуждалось о малѣйшихъ подробностяхъ хозяйства, и здѣсь же происходили слѣдствія, очныя ставки, инквизиція и, наконецъ, осужденія. Дружину же имѣлъ такую хорошую память, что помнилъ разъ сказанное, и, несмотря на слѣпоту, нельзя было скрыть отъ него никакой бездѣлицы.

Въ прежнія времена, когда онъ былъ еще здоровѣе и не терялъ зрѣнія, при жизни попелянскаго помѣщика, ротмистръ считался однимъ изъ задушевныхъ пріятелей послѣдняго и чаще всѣхъ посѣщалъ его. Зналъ Ермола ротмистра, который изъ уваженія къ памяти покойника помогалъ чѣмъ-нибудь старому дворовому. И теперь Ермола пошелъ прежде во дворъ посоветоваться, вѣруя въ непогрѣшимость ума и въ доброту сердца пана Дружины.

Всѣ радовались во дворѣ каждому вновь прибывшему лицу, потому что оно или отвлекало ротмистра на минуту отъ невольниковъ, или принуждало принять веселый тонъ, который всегда наготовѣ у больного старика для посторонняго посѣтителя.

Когда пану Дружинѣ донесли, что пришелъ Ермола и желаетъ съ нимъ видѣться, ротмистръ тотчасъ послалъ однихъ, чтобы привели старика, другимъ велѣлъ подать водки и закуски и изъ радушія къ гостю нашелъ возможность выбрать половину своихъ домашнихъ. Услыхавъ кашель у порога, Дружино сказалъ самымъ мягкимъ голосомъ.

— Какъ-же ты проживаешь, старичина? Что тамъ слышно у васъ въ Попельнѣ?

— А что-же, ясновельможный панъ, — пустыня и горе...

— Ну, а ты что подѣливаешь? Что новаго?

— О, и много новаго. Развѣ вы ничего не знаете?

— А отъ какого-же чорта лысаго могъ я узнать новости! — воскликнулъ ротмистръ. — Видишь, какъ Лазарь лежу во тьмѣ, а окружающіе навѣрно не расскажутъ ничего, что могло бы занять, развеселить меня; они предпочитаютъ молчаніе и вздохи. Что-же такое случилось?

— Такое приключеніе, которое, казалось мнѣ, уже за тысячу верстъ извѣстно.

— Ну, рассказывай.

— Господь Богъ далъ мнѣ ребенка.

— Что за чортъ! Развѣ ты спятилъ съ ума и женился?

— Нѣтъ, ясновельможный панъ.

— Значить, что-нибудь хуже?

— Не понимаете?

— Говори же, Ермола, яснѣе!

— Еще въ апрѣлѣ мнѣ кто-то подкинулъ ребенка.

— Какъ? Что? — спросилъ ротмистръ съ безпокойствомъ.

— Въ апрѣлѣ.

— Расскажи-ка снова, какъ это случилось.

Ермола рассказалъ со всѣми подробностями извѣстное приключеніе, радость свою, хлопоты, исторію съ козой, потомъ описалъ трудность заработковъ, уроки у дьячка и желаніе выучиться еще какому-нибудь ремеслу, для усиленія средствъ въ жизни. Большой слушалъ внимательно, и что удивительнѣе, даже Янъ, который собирался выйти подышать чистымъ воздухомъ, такъ заинтересовался рассказомъ Ермолы, что остался до конца исторіи.

— Это что-то любопытное! — сказалъ ротмистръ. — Чудо-

вище бросаетъ ребенка подъ деревомъ, и Богъ посылаетъ сироткѣ отца, какого кровь дать была не въ состояніи. Только боюсь, старина, но поздно ли пришло тебѣ это благословеніе! Отъ роду не слыхалъ я, чтобы въ твоёмъ возрастѣ начинали учиться какому-нибудь ремеслу и дѣлали такія предположенія о будущемъ. Который тебѣ годъ?

Очень хорошо зная, что ему шестьдесятъ слишкомъ, Ермола однако же, боялся объявить это ротмистру, имѣя цѣлью казаться гораздо моложе.

— Развѣ мы считаемъ свои годы?—отвѣчалъ онъ.—У насъ коли сѣдой, то и старикъ, а лучше всего этотъ счетъ извѣстенъ Господу Богу.

— Ба, ба! Господу Богу! Знаютъ и люди. Я самъ скажу, сколько тебѣ лѣтъ,—молвилъ ротмистръ, разсчитывая по пальцамъ.—Ты поступилъ во дворъ по шестому или седьмому году. Меня тогда еще здѣсь не было. Но вотъ уже 40 лѣтъ, какъ я здѣсь поселился, а покойникъ тогда уже говорилъ, что ты служилъ ему лѣтъ около семнадцати. Разсчитай же теперь, старичина, и будетъ лѣтъ шестьдесятъ съ хвостикомъ.

— Можетъ быть, но если человѣкъ при здоровѣ, въ силахъ...

— О! это большое счастье,—отвѣтилъ ротмистръ.—Не то что я калѣка, забытый Богомъ, надоевшій людямъ, котораго даже земля не принимаетъ, хотя ей принадлежу издавна.

— Напрасно вы такъ думаете, любезный панъ.

— Но, но! Расказывай свое...

— Видите ли, надо воспитывать мальчика, трудиться для себя, а въ полѣ я немного заработаю; хотѣлось бы найти другое средство, научиться какому-нибудь ремеслу.

— Кажется, ты немного рехнулся,—сказалъ разсмѣявшись Дружино.—Сколько же нужно времени на одно ученье? А потомъ откажутся и глаза, и руки.

— Не могу же идти просить милостыни.

— Не захочешь.

— И для себя, и для ребенка. Стыдно какъ-то шлаться съ сѣмою. Нѣтъ, нѣтъ...

— Но какъ ты умудришься выучиться ремеслу подъ старость?

— Мнѣ кажется, старику легче, нежели молодому чело-
вѣкъ работаетъ внимательнѣе, зная собственную пользу: ничто
его не отрываетъ, любить сидѣть на мѣстѣ, а руки сами ра-
ботають.

— О, милый мой, значить, ты еще очень молодъ, когда
говоришь подобнымъ образомъ. Что же общаго между ста-
ростью и молодостью? Ничего, ровно ничего; иное сердце, го-
лова, тѣло, иной челоуѣкъ. Счастливъ ты, что можешь прини-
маться за дѣло съ такою бодростью.

— Мнѣ кажется, если я выучился грамотѣ для моего ре-
бенка, то научусь и ремеслу.

Ротмистръ вздохнулъ.

— По крайней мѣрѣ, надо выбирать что легче, — сказалъ
онъ, качая головою.

— Мнѣ совѣтовали ткачество, но не на что купить ста-
нокъ и негдѣ поставить, — у меня тѣсно.

— А ты же что думаешь?

— Правду сказать, я пришелъ сюда къ Прокону,

— А! Горшки лѣпить, — сказалъ, засмѣявшись, ротмистръ. —
Если такіе, какъ онъ, то не далеко уѣдешь.

— Если-бы хоть немного показалъ, то я, можетъ быть, лѣ-
пилъ-бы получше; но, кажется, Прокопъ завистливъ и не захо-
четъ выучить.

— Этому горю можно бы еще помочь, стоитъ только при-
звать его сюда и сказать одно слово: нѣтъ тайны, которой
онъ мнѣ не расскажетъ.

Ермола покачалъ головою.

— Эхъ! Плохо уже по принужденію.

— Ну, попробуй прежде поговорить съ нимъ отъ себя, а
если не успѣешь, я улажу какъ-нибудь.

Ротмистръ велѣлъ накормить Ермолу и приказалъ зайти
вечеромъ съ донесеніемъ.

Направляясь къ хатѣ Прокопа, возлѣ которой, подъ боль-
шой старой грушей, видѣлась и гончарная печь, уставлен-
ная новыми горшками, Ермола сильно задумался; но вдругъ
лицо его повеселѣло, ему показалось, что онъ попалъ на сча-
стливую и невинную хитрость.

Послѣ замужества дочери, старый гончаръ жилъ съ работ-

никомъ и работницей, молодой солдаткой, въ не весьма опрятной хатѣ, какъ живутъ деревенскіе гуляки. Полагаясь на запасъ прежнихъ рублей, трудился онъ мало, рѣдко принимался за ремесло и чаще сиживалъ въ корчмѣ или любезничалъ со своей работницей. И теперь Ермола засталъ ихъ вдвоемъ за штофомъ водки и миской кислаго молока со сметаной. Посѣдѣвшій Прокопъ былъ, однакожь еще бодръ; огромнаго роста, плечистый и съ бородою по поясъ. При взглядѣ на него, можно было подумать, что онъ еще въ состояніи побороться съ медвѣдемъ. Когда онъ подгуливалъ въ корчмѣ, его боялись крестьяне, потому что, подставя спину подъ ось, онъ приподымалъ нагруженную повозку, а противниковъ разметывалъ, словно снопы, въ разные стороны.

Въ длинныхъ юхтевыхъ сапогахъ, въ широкихъ бѣлыхъ шпороварахъ и сѣрой рубашкѣ, подпоясанной хорошимъ поясомъ, сидѣлъ Прокопъ за миской съ ложкой въ рукѣ, противъ сосѣдки, которая показывала ему зубы, закрывая глаза рукою. Вѣроятно, гончаръ говорилъ ей какія-нибудь любезности, когда Ермола показался на порогѣ съ обычнымъ привѣтствіемъ:

— Помогай Богъ.

Старики были знакомы, но Прокопъ бывалъ привѣтливъ къ гостямъ лишь до тѣхъ поръ, пока не выпивалъ лишняго. Гончаръ приподнялся съ лавки, солдатка убѣжала.

— А, добро пожаловать,—сказалъ хозяинъ.—Съ чѣмъ Богъ принесъ. Не выпьемъ ли по чаркѣ?

— Почему же и не выпить,—отвѣчалъ Ермола,—хоть, правду сказать, я и не большой охотникъ.

— Одна чарка ничего не значитъ, а тамъ, если есть какое дѣло, мы примемся и за него.

— Есть и дѣльце, да долго разговаривать.

— Такъ надо начинать заранѣе.

— Погодите, отдохну немного.

— Какъ себѣ хотите.

Немного погодя и солдатка показалась изъ-за перегородки. Поѣвъ молока и оставивъ штофъ на столѣ, начали жаловаться на времена, на дороговизну. Прокопъ проклиналъ свое ремесло, и старики дошли до откровенности.

— Надо вамъ сказать,—началъ Ермола не безъ боязни,— что я также гончарскій сынъ, и дѣды мои издревле были гончарами.

— Ого! Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ Проконъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Именно такъ, только отецъ и мать умерли, когда я былъ еще маленькимъ, и едва помню, какъ учили меня гончарству. Еще и теперь на прежнемъ нашемъ огородѣ старая печь, вросшая въ землю, но усадьба наша перешла въ чужія руки.

— Однако я не помню, чтобы слышно было о какомъ-нибудь гончарѣ въ Попельнѣ.

— Да вѣдь отецъ былъ изъ Польши, а здѣсь жилъ не долго.

— А это дѣло другое,—проговорилъ Проконъ, наливая чарку.

— Вотъ видите ли, захотѣлось мнѣ на старость возвратиться къ ремеслу,—робко сказалъ Ермола.

— Проконъ посмотрѣлъ въ глаза своему собесѣднику, почесался въ затылкѣ и пробормоталъ что-то.

— Значить, ты не хочешь отнять у меня кусокъ хлѣба!—сказалъ онъ сурово.

— Эхъ, послушайте,—отвѣчалъ Ермола,—можетъ быть еще и вамъ дамъ заработать: не надо пугаться, не узнавши дѣла.

— Ну, такъ рассказывай!

— Сына у васъ нѣтъ, дочь выдали за хорошаго хозяина, приобрѣли на черный день конѣйку: вамъ пора бы и отдохнуть. Здѣсь нехорошая глина, съ горшками вы принуждены ѣздить далеко, потому что здѣсь ихъ не покупаютъ.

— Осторожнѣй, однако!—воскликнулъ Проконъ сердито, ударивъ кулакомъ по столу.

— Не сердитесь, потому что безъ васъ вѣдь не обойдется.

— Ты хочешь ограбить меня.

— О, нѣтъ, я еще вамъ задаромъ уступлю кусокъ хлѣба.

— Ну, такъ рассказывай, чортъ бы побралъ твою душу.

— Вотъ что: я легко припомню мастерство, если бы мнѣ хоть немножко показали; знаете, это уже въ крови. Зало-

жите со мной печь въ Попельнѣ, выгнемъ первую работу, и, пока живы, будете получать половину моихъ барышей, хоть бы себѣ сидѣли сложа руки.

Прокопъ сильно покачалъ головою.

— Это было бы хорошо, да кто-же поручится...

— Вашъ панъ...

— Ротмистръ, старый ротмистръ!—воскликнулъ Прокопъ.

— Ну, да. Онъ то и присовѣтовалъ мнѣ, видя мою горькую нужду на старости.

Прокопъ пришелъ въ волненіе, онъ даже дернулъ себя за бороду.

— Тебѣ ротмистръ посовѣтовалъ! Развѣ же вамъ знакомо наше ремесло? Или вы думаете, слѣпить горшокъ все равно, что скопать грядку? Да и выжечь печку,—развѣ бездѣлица? Я цѣлую жизнь дѣлаю горшки, а мнѣ не всегда удается.

— Потому что вы не такъ охотно занимаетесь: есть у васъ хата, хлѣбъ, деньги—зачѣмъ вамъ работать?

— Это правда... Однако вѣдь ты не скоро выучишься, старина; здѣсь нужно молодую голову.

— Попробуйте, и ротмистръ будетъ вамъ благодаренъ.

— Провалился бы ты къ чорту со своимъ ротмистромъ!—проворчалъ Прокопъ: ему ничего не значить ободрать человѣка.

— А если въ Попельнѣ найдется лучшая глина для бѣлыхъ горшковъ? Вы вѣдь выжигаете только черные, а это дрянъ...

Прокопъ вскочилъ съ мѣста, глаза его засверкали:

— Дрянъ!—крикнулъ онъ.—Смотри, старикъ, если схвачу тебя въ лапы, то и ротмистръ не поможетъ.

— А какая же вамъ прибыль, если погубите бѣднаго человѣка вмѣстѣ съ сиротою?

Фраза эта обезоружила Прокопа. Онъ улыбнулся.

— Съ какой сиротой?—спросилъ онъ.

— А вы ничего не знаете?

— Ничего, я вѣдь разъѣзжалъ по свѣту.

Довольный внезапной переменой въ хозяинѣ, который при всей взыскливости былъ добраго сердца, Ермола началъ рассказывать свое приключеніе со всѣми подробностями, съ какими

обыкновенно рассказываютъ крестьяне, не пропуская ни малѣйшей. Приключеніе это заняло и растрогало Прокопа; снѣ крикнувъ солдатку, чтобы и она послушала, и незамѣтно прошелъ цѣлый часъ въ занимательной бесѣдѣ. Чувство вызвало чувство, въ сердцахъ проснулась жалость; Прокопъ ругалъ, но уже не гостя, а тѣхъ бездушныхъ людей, которые рѣшились покинуть бѣдное дитя на произволъ судьбы, на сиротскую долю. Положеніе Ермола расположило Прокопа помочь старику; можетъ быть также здѣсь играло роль и имя ротмистра, котораго всѣ боялись, но дѣло въ томъ, что когда собесѣдники прощались, гончаръ обѣщалъ пріѣхать на другой день въ Попельню—посмотрѣть на глину и на подкидыша.

Взявъ отъ Прокопа слово, которое надо было запитъ чаркой водки, и забѣжавъ во дворъ отдать отчетъ въ успѣхѣхъ, Ермола поспѣшилъ глухой лѣсной тропинкой въ Попельню, сильно беспокоясь за своего пріемыша: не помѣшала бы ему Горпина спать своими нѣжностями и не накормила бы какими нибудь лакомствами.

Волнуемый разными предположеніями о ребенкѣ и о завтрашнихъ поискахъ глины, сильно уставшій и изнемогшій пришелъ Ермола къ казачихѣ, взялъ ребенка и отправился въ свою хату.

На другой день очень рано старикъ былъ уже на ногахъ. Ребенка снова надо было отвезти къ Горпинѣ, потому что предстояло много много работы, а самъ началъ убирать и подметать, готовить водку и обѣдъ для желаннаго гостя, котораго нельзя было принять какъ-нибудь, зная привычки и избалованный вкусъ стараго гончара.

Прокопъ сдержалъ слово и къ восьми часамъ пріѣхалъ въ Попельню. Кое-какъ помѣстилъ лошадь его Ермола подъ наклонившейся стѣной, и такъ какъ гончаръ, выпивъ водки, прежде всего захотѣлъ видѣть найденыша, то старики и пошли къ казачихѣ послѣ нѣсколькихъ чарокъ. Повидимому, тамъ ихъ ожидали, и вдова, изъ пріязни къ Ермолѣ и, кромѣ того, изъ суетнаго желанія блеснуть предъ чужимъ человѣкомъ, приготовила очень роскошную, по ея состоянію, закуску, изъ чего Прокопъ вывелъ самое благопріятное заключеніе о хозяйкѣ дома.

Придя въ отличное расположеніе духа, старый гончаръ не могъ налюбоваться сироткой, но принужденъ былъ уступить нетерпѣнію Ермола и отправиться съ послѣднимъ на поиски глины, хотя Прокопу и не особенно хотѣлось покидать миску и чарку, и онъ готовъ былъ отложить дѣло до другого раза.

Ермола пламенно молилъ Бога, чтобы найти хорошую глину, не зная рѣшительно, гдѣ искать ея, и, не имѣя надежды на успѣхъ, полагался только на Божіе милосердіе. Онъ слышалъ что дубы обыкновенно растутъ на глинистой почвѣ; видѣлъ, что глину для обмазки хатъ брали всегда вблизи деревьевъ возлѣ его огорода, именно тамъ, гдѣ онъ нашель Родіона, и повелъ туда будущаго собрата.

Ермола несъ заступъ, а Прокопъ шелъ молча, заложивъ обѣ руки за поясъ для большей важности.

— Здѣсь чистый песокъ,—сказалъ гончаръ, когда они взопли на пригорокъ:—глина должна быть очень глубоко, и кто знаетъ, будетъ ли годиться; а надо искать пониже.

Спустясь нѣсколько шаговъ, Ермола захотѣлось непременно копать возлѣ дуба, который онъ называлъ Родіоновымъ.

Избалованный и разлѣнившійся Прокопъ тотчасъ ушелъ на землѣ, а Ермола, поплевавъ на руки, усердно принялся за работу. Сначала выбрасывалъ онъ одинъ песокъ—сперва сѣрый, потомъ бѣлый, потомъ желтый, и только глубже заступъ встрѣтилъ болѣе твердую почву и показалась глина, но весьма плохого качества—обыкновенная желтая, песковатая, съ мелкими камешками. Показалъ Ермола гончару пробу на заступѣ, но Прокопъ, посмотрѣвъ на нее съ презрѣніемъ, пожалъ плечами.

— Копайте глубже,—сказалъ онъ, пыхтя послѣ колбасы и яичницы,—и дайте мнѣ свою трубку.

Для убоготворенія Прокопа Ермола готовъ былъ отдать послѣднюю рубашку, и потому, исполнивъ поскорѣе желаніе гончара, усерднѣе принялся за работу.

Вскорѣ показалась болѣе густая и чистая глина, но и этою Прокопъ еще оставался недоволенъ, потому что она не была гончарная. Наконецъ на третьемъ штыхѣ появилось что то зеленоватое, густое и твердое, словно камень. У Ермола похо-

лодѣло даже въ сердцѣ, онъ выбросилъ новый слой навѣрхъ, облокотился на заступъ и вздохнулъ глубоко. Въ это время взоръ Прокопа случайно упалъ на комокъ вновь выброшенной земли; лицо гончара повеселѣло, онъ схватилъ эту землю, потеръ ее въ рукѣ, отвѣдалъ.

— О, вы навѣрно прежде знали объ этой глинѣ,—сказалъ онъ.—Да такой глины нѣтъ здѣсь нигдѣ въ окрестности до самаго Владимірца. Какой-же вы плуть, старина!—воскликнулъ онъ, бросая трубку.

Ермола онѣмѣлъ отъ радости, но ему необходимо было притвориться, что онъ дѣйствительно зналъ мѣстонахождение глины тамъ, куда привело его одно благое Провидѣніе. Старикъ улыбнулся.

— А глубоко-ли залегла? — попробуйте!—сказалъ Прокопъ.—О, будутъ у насъ горшки, да такіе, какихъ нѣтъ на сто верстъ до самаго Владимірца. Чудная глина, хоть намазывать на хлѣбъ, какъ масло.

И оба старика начали копать и разгребать землю, удостоверяясь, что драгоценный слой залегалъ на обширное пространство. Перерѣзывали его, правда, узкія жилы бѣлой, смѣшанной съ пескомъ глины, но въ самой небольшой пропорціи, а зеленоватая, чудная глина казалась неисчерпаема. Набравъ ея порядочное количество для пробы въ мѣшокъ и заливъ счастливую находку, Прокопъ сѣлъ на свою повозку и поспѣшилъ въ Малычки.

Такимъ образомъ открыта была въ Попельнѣ глина, о которой никто не зналъ прежде, и первый попелянскій гончаръ, по отъѣздѣ Прокопа, сталъ на колѣни передъ образомъ помылиться Богу.

— Будетъ хлѣбъ у ребенка,—сказалъ онъ, не владѣя собою отъ радости,—Благодарю Тебя, Господи, что не отвергъ моей молитвы. Будетъ кусокъ хлѣба у ребенка!

У.

По отысканіи глины—важномъ событіи въ жизни Ермолы,—послѣдній не зналъ уже неудачи, хотя людямъ и не вѣри-